

ПЕТР АЛМАЗНЫЙ

**ТОВАРИЩИ
УЧЕНЫЕ**

Петр Алмазный
Товарищи ученые

«Автор»

2026

Алмазный П.

Товарищи ученые / П. Алмазный — «Автор», 2026

Физик-экспериментатор погиб, устраняя критическую аварию. Но его смерть становится лишь началом новой жизни в другой эпохе и другом теле. Очнувшись в СССР 1978-го года, в закрытом научном городе, он снова оказывается в стихии науки — среди людей, для которых формулы и расчёты не менее важны, чем любовь, дружба и мечты. Здесь кипят тайные исследования, рождаются открытия, способные изменить будущее. Здесь правят страсти, интриги и амбиции. Но вместе с ними в размеренную жизнь элитного института проникает нечто тревожное — тень прошлого, загадка, угрожающая всему, что казалось незыблемым...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Петр Алмазный

Товарищи ученые

Название: Товарищи ученые

Автор: Петр Алмазный

Глава 1

– Эх, лето красное, любил тебя бы я, когда б не зной, не комары да мухи... – недовольно пробормотал я.

Уселся на кровать со скрипучей панцирной сеткой и взял в руки изрядно подержанный журнал «Знание – сила. № 9» 1976 года. Побывав за два года во многих руках, тоненькая книжка сильно истрепалась. По-настоящему дикую популярность этому журнальному номеру принесла повесть братьев Стругацких «За миллиард лет до конца света».

Не успел я начать читать, как услышал, что в замочной скважине заворочался ключ.

Уже по резким лязгающим звукам я понял, что это Володька. Ошибиться было невозможно. Я шлепнул журнал на тумбочку.

Вовка влетел в комнату с таким видом, точно пять минут назад повстречал экипаж инопланетного корабля.

– Макс! – вскричал он, тараща глаза. – Подъем! Дело есть!

– На миллион?

– Ну, миллион не миллион, но по тройку слупим.

– С кого? – удивился я.

– С кого?.. – почему-то запнулся Вовка. – Да с Ипполита!

– Ну-у-у... – разочарованно протянул я. – С Ипполита и снега зимой не вытрясешь...

– Я вытрясу! – самонадеянно заявил мой друг, на что я с сильным сомнением покачал головой. Но на всякий случай спросил:

– А что делать-то надо?

И Вовка начал рассказывать. Выяснилось, что Ипполиту Семеновичу Кондратьеву, начальнику отдела снабжения нашего НИИ, необходимо выкопать яму под новое отхожее место на его приусадебном участке.

– А старая у него, стало быть, переполнилась, – иронически заметил я.

– Ну, я в такие детали не вникал, – тоже не без сарказма ответил Володя. – Ты же, блин, ученый! На печи копченый. Должен знать, как отсекают второстепенное от главного.

– А ты отсекай, значит...

– Естественно! Зачем нам знать, сколько они в старую яму наложили? Тебе это очень интересно?

– Не сказал бы, что очень.

– Во! Слышу голос разума. Нам главное сейчас – по трехе заработать! У тебя сколько до полочки осталось?

Я мысленно крякнул, вспомнив недавний чад кутежа у Ирки Ромашкиной, нашей соседки со второго этажа. Было, конечно, весело. А потом в карманах пусто. Зарплата после-завтра. У меня – это я точно знаю – в активе семьдесят четыре копейки. Ну, можно, конечно, перехватить в долг, но... Вот именно – но!

На Вовкин вопрос я не ответил, да он и так все понял по лицу.

– Вот-вот, можешь не говорить. Факт налицо.

– Ага... – проворчал я. – На лицо, на яйцо... А кто говорил: айда к Ирке, айда к Ирке? У нее там подружки будут...

– Ну и были подружки. Одна по крайней мере...

– Это Зоя? Из палеозоя? А чего ж ты ее тогда не брал штурмом? Ушел в глухую оборону. Володька только засопел. Крыть ему было нечем.

Анализируя Вовкино предложение, я все больше склонялся к тому, чтобы его принять. Хотя...

– Не нравится мне твой Ипполит, – буркнул я. – И яма еще эта вонючая...

– Во-первых, он не мой, а наш, – парировал Вовка. – Во-вторых, пока что яма не вонючая, ее вообще пока нет, вначале выкопать надо. А в-третьих, деньги не пахнут! Кто сказал?

– Тит Флавий Веспасиан, – вспомнил я. – Двенадцатый император Рима. Ладно, Вовка, убедил.

Через полчаса мы уже ковыряли жирный чернозем на участке Ипполита Семеновича. Энтузиазм моего подуставшего напарника малость поутих.

– Знал, старый хрен, кого найти! – ворчал Вовка. – Кто другой, небось, меньше пятерки не взял бы!..

– Ага, – ехидничал я, – один такой все-таки нашелся. Бизнесмен!

– Вообще-то два таких...

Так, беззлобно подначивая друг друга, мы худо-бедно углублялись в тему, и вскоре очертания будущей ямы обозначились отчетливо.

Пару раз прибежал Ипполит Семенович в пижамном полосатом костюме и галошах: низенький, пузатый, лысый.

– Так, так, товарищи ученые! – подбадривал он нас. – Молодцы! Как это говорится: талантливый человек талантлив во всем!

– Нам бы еще оплату по нашим талантам... – пропыхтел Володя, ожесточенно ковыряя лопатой земляное днище

– Будет! – тут же подхватил Кондратьев. – Все будет! А как же?

И вновь укатился куда-то колобком.

– Парадокс... – проворчал я.

– То есть? – Вовка распрямился, прогибая затекшую спину и морщась при этом.

– То есть мы, бойцы передового края науки, копаемся палками-копалками как первобытные люди!..

– Твои предложения? Как нам эту яму сделать? Мини-взрывом? Антигравитацией? Телепортацией?

Я тоже выпрямился, сделал пару движений корпусом влево-вправо, разминая поясницу. Вскинул взгляд в выгоревшее, без единого облачка небо.

И глядя ввысь, вдруг с особенной силой осознал диковинность своей судьбы. Казалось, что все вокруг нереально. Я не мог быть здесь, в 1978 году. Все это сон или какая-то иллюзия.

Но нет же! Вот оно. И я в этом странном мире – Максим Андреевич Скворцов, младший научный сотрудник, двадцати шести лет от роду. При том, что я знаю: на самом деле мне уже стукнуло семьдесят три года!

Как так?! Попробую объяснить...

Итак, в 2025 году я, кандидат наук Сергей Маркелов, участвовал в сверхсекретном эксперименте, целью которого была возможность телепортации. Организационно и технически это было сложнейшее мероприятие, где надо было свести воедино и удерживать под контролем множество факторов и процессов. Каждый из них сложен сам по себе, а уж их сумма... Словом, неудивительно, что в этой потенциально проблемной и почти неуправляемой совокупности что-то пошло не так...

Установка почти сразу после запуска окуталась странным туманом чудесного нежно-сиреневого цвета. Я прямо-таки залип с открытым от удивления ртом. Зато не растерялся наш шеф, директор института.

– Рубильник! – возопил он истошным голосом. – Рубильник номер пять вырубить!

Все оторопели, а дело решали секунды, я это сразу понял. К пятому рубильнику я был не ближе всех, но очутился там быстрее всех. И рванул рукоять вниз.

Что было дальше? Вот этого я толком так и не могу сказать. Сиреневый туман окутал меня, я испытал состояние невесомости... Похоже на кратковременную отключку.

Я не знаю, что случилось дальше с моим престарелым телом. Но моя личность была заброшена в прошлое на сорок семь лет назад.

Телепортация состоялась, но не физическая, а только ментальная. Перенеслось лишь мое сознание, проснувшееся в теле молодого парня. Звали этого парня Максим Скворцов, он был сотрудником советского НИИ в закрытом научном городке Сызрань-7, в Куйбышевской области.

Мне пришлось поверить в невероятное и начать вживаться в незнакомый мир. Обретать друзей, товарищей по работе, соседей, знакомиться с девушками, наконец...

Первые два месяца в новой реальности я наслаждался молодым телом и радовался новой жизни, как истинный бездельник. Но уже раздумывал над тем, что пора бы заняться чем-то более важным. Ведь я знаю будущее, а попаданцы обычно изменяют мир, спасают СССР, занимаются прогрессорством и всякое такое. Так что пора браться за ум и начинать влиять на судьбы мира. Чтоб не приходилось больше махать лопатой за три рубля, роя выгребную яму для Кондратьева.

Слой чернозема кончился, начался суглинок, потом песок.

– Ну, кажется, шабаш! – заявил Володька, смахнув со лба капли пота. – Слушай, Макс, бабки получим, пива возьмем разливного? Самое то будет! Завтра воскресенье, рано вставать не надо...

– А почему же нет, – согласился я. – Готово, стало быть? Ну, тогда зови заказчика!

Вовка убежал и через минуту вернулся вместе с заказчиком.

Довольный качеством выполненной работы, Ипполит Семенович забормотал благодарности:

– Ну, молодцы, молодцы, спасибо вам!.. – радовался Кондратьев, зачем-то усердно вытирая пухлые ладошки о свою пижаму.

Мы слушали его признания с некоторым недоумением.

– Спасибо и вам, – наконец сказал Вовка. – Но спасибо не шуршит, не булькает и на сковородке не жарится...

– Понимаю! По три рубля, как договаривались. Все по-честному! Обязательно! Только...

Он запнулся.

– Только? – нахмурился, переспросил я.

– Только денег-то с собой нету. На работе оставил, в кабинете. Так что, в понедельник, ребята, как штык! С утра и приходите, сразу же отдам.

– Ипполит Семеныч, – с упреком произнес Вовка. – Ну что это за клоунада? Какой понедельник?.. Понедельник начинается в субботу!

Они начали препираться, но я-то знал, что ничего из этого не выйдет. С Семенычем спорить бесполезно. Если тот уперся – не сдвинешь. А потом еще и в понедельник примется крутить-мутить. С утра его будет не найти, то на оперативке пропадет, то на пятиминутке, то еще где...

– Ладно, – махнул я рукой. – Чего воду в ступе толочь? В понедельник, так в понедельник!

– Обязательно! С утра! Прямо с утра и заходите! – затарахтел снабженец, не уставая вытирать ручонки о штаны.

Расстроившись, мы побрели домой.

– Вот пердун старый, а? Так обломить?! – возмущался Вовка. – А я пиво уже мысленно глотал!

– Я тоже, – вздохнул я.

И все-таки есть справедливость на Земле! На самом подходе к дому мы наткнулись на врача-практиканта Жору Минашвили, каким-то хитрым путем проходящего интернатуру в больнице закрытого научного городка.

– Гоги! – так и ахнул Володька. – Откуда?! Ты же в отпуске!

– Уже прибыл, дарагой! – просиял начинающий доктор. – Нэ могу бэз вашего интеллектуального общества!..

– Ну, Жорка, – улыбнулся и я, – тебя нам сам Бог послал!

– Бога нэт, дарагой. Зато я есть!

– Годишься и ты. Слушай, тут вот какое дело...

И я рассказал другу-грузину о том, как жестоко нас обманул хитрый жук Кондратьев. И как наша жизнь начинает терять смысл без холодного пива. Но Минашвили, выслушав меня, вдруг картинно приосанился, носатое смуглое лицо его разъехалось в улыбке:

– Э-э, дарагие физики-лирики! Какое-такое пиво, э? Как говорит наш замечательный артист Андрей Миронов, пиво – это нэ актуально!

– Он про зайцев говорил... – проворчал педант Володька.

– Нэважно! – отсек эскулап. – Суть нэ в том.

Суть оказалась в умопомрачительных трофеях, вывезенных медработником из родного Сакартвело.

– Во-первых, коньяк! – торжественно провозгласил Георгий, вздымая указательный палец.

Да коньяк не простой, а домашний – фирменный напиток из семейных подвалов клана Минашвили, изготавливаемый и выдерживаемый в дубовых бочках по рецепту, передаваемому из поколения в поколение... И бонусом к нему прилагаются всякие хачапури, чахохбили и тому подобные причуды, а еще разные фрукты: яблоки, алыча, абрикосы...

– Ну ты, Жорик, даешь, – искренне восхитился Володя. – Как ты все это припер?!

– Ходы надо знать, будущие Эйнштейны, – назидательно изрек гордый сын Кавказа.

– Ладно, ладно, будущий Гиппократ, – усмехнулся я. – Твои предложения?

– А какие тут могут быть предложения? Приступить к ликвидации запасов! И чем скорее, тем лучше, пока не испортилось!

– А где у тебя этот реквизит? – спросил Володя. – Дома?

– Канэчно, дарагой! – намеренно преувеличивая свой акцент, воскликнул Гоги. – Идем?

– Пошли, конечно! – охотно поддержали мы.

По пути к нам прицепился еще Сашка Фролов по прозвищу Фрэнк – наш коллега-МНС, местный франт и при этом вполне толковый исследователь, чья кандидатская уже была практически готова к защите.

Через двадцать минут мы вчетвером сидели за столом и с наслаждением потребляли дары грузинской земли.

Коньяк употребляли благородно, смакуя аромат и послевкусие. И чувства и мысли от этого пробуждались возвышенные: о науке, о будущем, о сути бытия... Ну и, конечно же, о любви и о прекрасных девушках! О чем же еще говорить молодым, умным, привлекательным и неженатым мужчинам...

– Хм! – глубокомысленно хмыкнул Саня Фрэнк. – Между прочим, к нашему Кондратьеву дочка приехала на лето. Студентка. Из Саратова, кажется. Не то филолог, не то журналист. Ну, я скажу вам, девушка – пять звезд! Рекомендую взглядеться.

От упоминания Кондратьева Володька вмиг осатанел:

– Чтоб ему, Кондратьеву этому, до гроба с геморроем сражаться!

Я не поддержал гнев Вовчика, а вместо этого усомнился в рассказях Фрэнка:

– Откуда же у такого хомьяка, как Кондратьев, взялась пятизвездочной дочке?

Фрэнк прожевал мясной ломтик, со знанием дела молвил:

– У него жена была очень красивая. Реально! От природы. Такая, знаешь,

баба деревенская, кровь с молоком. Мне кажется, она даже не соображала, насколько она красивая. Но вот судьба: сгорела от рака за три месяца. Вот так вот, грустно.

Сашка Фрэнк был старше нас, и в Сызрани-7 обитал подольше. Потому и помнил жену Кондратьева. Мы же с Вовкой застали Кондратьева уже вдовцом.

– Между прочим, – заметил Саня, – зовут ее знаете как?..

– Дочку-то? – уточнил Вовка.

– Ее самую. Аэлита! Представляете?!

– Аэлита Ипполитовна! – звучно продекламировал Гога. – Я бы сказал, где-то нэмого по-грузински!

– Вообще-то по-марсиански... – ухмыльнулся Вовка.

– Так вот я к чему и говорю! – подхватил Фрэнк. – Откуда эти лапти лыковые такое имя выкопали?! Ну, покойную мать ее я сразу отметаю, она и слыхом не слыхала ничего подобного. Значит, остается сам Семеныч! Вот и думай, что за романтическая душа прячется в этой хомячьей оболочке...

Ребята еще поржали, поострили, а я вспомнил, что в придачу ко всем талантам у Сашки Фрэнка имелся дар пародировать голоса, хоть со сцены выступай. И родилась во мне одна идея... Повернулся я к нему – и страшно удивился.

Все болтали, пересмеивались, а Фрэнк сидел с лицом настолько отрешенным, что в первый миг мне захотелось глаза протереть: а это вообще он?! Вообще ведь он такой рубаха-парень, балагур... А теперь будто другой человек передо мной. Он словно в кому впал – глаза остекленели, челюсть отвисла...

Но длилось это только несколько секунд. Фрэнк вздрогнул, будто проснувшись, и передо мной вновь появился знакомый весельчак.

– Ты что, Макс? – подмигнул он мне хитро. – Сказать что-то хотел?

Глава 2

– Хотел, – сказал я. – Есть идея. Слушай, ты же Рыбина пародируешь прямо один в один! Михаил Антонович Рыбин, завхоз Сызрани-7, был близким приятелем и порой собутельником Кондратьева.

– Ну, Рыбин! Что там Рыбин! Я любого могу. Хочешь, тебя изображу?

– Потом. А Рыбина сейчас. Вот слушай...

И я изложил ему свою задумку.

– Толково, – оживился Сашка. – Сделаем!

– А если он перезвонить додумается? – возразил Володька. – Перепроверить!

– Это вряд ли, – возразил я. – Не переоценивайте его интеллект. И ошарашить так надо, чтобы мозги отшибло. А кроме того, Рыбин наверняка к соседу пошел в преферанс играть. Они там по субботам всегда пулю расписывают.

– Точно! – подтвердил Гоги. – Меня один раз пригласили. Ну, я их на пять червонцев и вынес! Больше нэ звали.

– Звоним! – решил Санька.

Сызрань-7 была снабжена маленькой, но автоматической телефонной станцией. Никаких коммутаторов, никаких телефонисток, набираешь четырехзначный номер – и пожалуйста. Прогресс!

– Семеныч? – произнес Фролов абсолютно голосом Рыбина. – Здорово, здорово... Как сам? Нормально, говоришь? Ну, не знаю, не знаю. Ты, говорят, двоих парней надул с оплатой? Они тебе поработали, а ты им кукиш? Эх, Семеныч, ну попал ты в историю! Слушай, только тебе, по-дружески. Один из них, Скворцов, он знаешь кто?.. Конь в пальто? Да нет, Семеныч, это ты теперь конь, только без пальто. Он самому Брежневу родственник, понял? То есть, не самому Брежневу, а жене его, Виктории Петровне, понял? Внук ее сестры. Откуда знаю? Да от Стаканыча. Шепнул по пьяному делу, потом просил-умолял, чтобы я никому ни слова. Ну я и никому, только тебе по дружбе...

«Стаканыч» – Николай Степанович Трунов, начальник отдела кадров, старый знакомый как Рыбина, так и Короедова. Старый КГБ-шник, естественно.

– Вот такой Гондурас, Семеныч. А вдруг парень обиделся? Смотри... Не знаю, но я бы на твоём месте как-то ситуацию поправил бы.

Насчет «Гондураса» – в самую точку. Завхоз прибежал к названию латиноамериканского государства в тех случаях, когда требовалось обозначить настолько экстремальную ситуацию, для которой в принципе трудно подобрать слово.

Кондратьев поверил и ужаснулся. Трубка отчаянно затарахтела. Фрэнк слушал, кивал, надменно ронял голосом Рыбина:

– Да вроде нет его дома сейчас. Тут этот доктор из отпуска приехал, как его... Ну, грузин-то... Да, Минашвили, точно! Все забываю фамилию. Так вот как будто у него они, приезд отмечают. Ага... Ну, смотри сам. Решай сам. Ладно, пока! Будь.

И положил трубку. Посмотрел на нас – и расхохотался:

– Ну, каково?!

– Блеск! – искренне ответил я. – Не отличишь. Ну и что наш главснаб?

– В диком стрессе, – кратко резюмировал Сашка и передразнил: – Да ты что?! Да правда, что ли?.. Между прочим, Рыбин для него авторитет, это сыграло тоже. – Думаю, минут через десять будет здесь. С деньгами и извинениями. Ну а нам еще по чуть-чуть не помешает!

И тут же грянул дверной звонок. Мы изумленно переглянулись.

– Он что, на метле прилетел? – пробормотал Володька.

– Сейчас посмотрим, – Гоги пошел открывать. Мы услышали щелчок замка веселый голос:

– Не ждали? А мы приперлися! Незванный гость хуже Татаренко! – и жизнерадостный хохот.

– Надо же, – сказал Володька. – Вот нюх! Как будто у ищейки.

Это был еще один мой друг и коллега, из одной лаборатории с Сашкой – спец по электронному оборудованию Ярослав Татаренко, весельчак и жизнелюб, душа многих компаний.

– Ну, так и есть! – входя в комнату, вскричал он. – Яр, сказал я себе! Где могут быть твои друзья в субботний вечер? И неумолимая логика привела меня сюда... Ого, коньяк! Жорж, это привет из солнечной Грузии?

– Канэчно, дарагой. Присаживайся!

Электронщику очень нравилось слышать о себе: «Яр» или «Ярый», и он категорически не желал называться «Яриком»:

– Ярики в шортиках с помочами бегают! Пройденный этап!

А в целом он был парень толковый, позитивный, и в научном плане – светлая голова.

Присел он, выпили еще по одной, потрепались о делах насущных – и минут через десять входной звонок отчаянно затрещал.

Мы невольно рассмеялись. А Володька подколот меня:

– Ну, теперь тебя в зятях быть! Семеныч такого туза не упустит.

– Поживем – увидим, – сказал я, слыша, как Георгий отпирает дверь.

– В-ва, Ипполит Семенович! – донеслось из коридора. – Какими судьбами?!

– Да вот, в гости, – торопливо залопотал Кондратьев. – Хотел зайти! То есть...

Здесь он запнулся, а интерн безжалостно переспросил:

– То есть?

– То есть это... У тебя же в гостях эти, Мечников со Скворцовым?

– А ви откуда знаете? – с почти неуловимой иронией осведомился Минашвили.

– Слухом, слухом Земля полнится, – вновь заспешил снабженец. – Так это, пройти-то можно?

Квартиросъемщик сделал крохотную паузу – и царственным тоном позволил:

– Входите.

Ипполит Семенович сменил пижамную амуницию на очень приличные, свежие, светлые рубашку и брюки. Футболки и джинсы он не носил из принципа, считая все это тлетворным влиянием Запада. А легкие ситцевые и льняные брюки – пожалуйста. Между прочим, в двадцать первом веке такие брюки выглядели бы эксклюзивным шиком. А тут – самый рядовой наряд.

– Добрый вечер! – провозгласил он. И тут же добавил: – С приятным времяпровождением вас!

– Спасибо, – чуть сварливо ответил Володька. – Но могло быть и лучше! Если бы гонорары платились вовремя.

– Да, да, да, – зачастил гость, – понимаю, конечно, понимаю. А я за тем и пришел! Вы уж извините, ребята, я того... попутал малость. Деньги-то нашел, да!

– Волшебник прилетел? В голубом вертолете? – спросил я, делая невинное лицо.

Толстячок хихикнул, показывая, что понимает ученый юмор.

– Да ведь это как сказать! Полез в комод, а там заначка. Три червончика, три. Да! Я и забыл про нее, а тут такое дело.

– Ну, это, бесспорно, волшебство, – прокомментировал Жорка с неправдоподобно серьезным выражением лица.

– А хоть горшком назови, лишь в печку не ставь, – живо откликнулся Короедов. – Ну да неважно! Я чего хотел-то? Айда ко мне домой, посидим, поговорим!

– Мы вроде бы и так, Ипполит Семенович, сидим и говорим, – нахально вклинился Ярый. – Какой смысл менять шило на мыло?

– Не мыло, не мыло! – энергично возразил гость, аж подпрыгнул на месте. – Ко мне дочка приехала на каникулы, пирог испекла. Она у меня мастерица. Идемте, попробуйте! Пальчики оближете, это я точно говорю. Вы такого и не пробовали!

Мы вновь переглянулись. Татаренко незаметно для Ипполита подмигнул и кивнул: дочка, мол, и вправду, класс, я видел!

Художественный вкус у Ярослава был отменный. Во всем смыслах. А в оценке женской красоты – вдвойне.

И мы, прикончив коньяк, пошли.

Уже смеркалось. Июльский вечер был прекрасен. По дороге я задумался о своих делах лабораторных: никак не шел у нас один эксперимент, не удавалось выйти на планируемый результат...

Впрочем, все мои мудрые мысли как ветром сдуло, едва я шагнул на приусадебный участок. Поскольку из дома на крыльцо вышла девушка в светлой блузке, клетчатой мини-юбке и в домашних шлепанцах. И одного взгляда хватило, чтобы понять: Яр был прав на все сто!

Но не только в том дело. Здесь другое. Почти чудо! И о том разговор особый.

А если без чуда – то все идеально. Шикарная фигурка, округлые стройные ножки. Темно-каштановые, с чуть-чуть рыжеватым отливом волосы, светло-серые глаза. Белозубая улыбка. Ну, точно пять звезд! – и Фрэнк не соврал.

– Аэлита! – вскричал счастливый папаша, понимая, что дочь морально уложила всех наповал, – принимай гостей!

– Ипполит Семенович, – внушительно молвил Яр, – с вашей стороны, можно сказать, это правонарушение. Скрывать от общественности такую красоту!

– А папа тут ни при чем, – парировала дочка с легкой язвинкой в голосе, – это я сама от вашей общественности скрывалась.

– Тогда будем считать правонарушительницей вас. И почему же, разрешите узнать?

– Набирала спортивную форму, – ловко подхватила красотка.

– Разумно, – закуражился Татаренко, – готов подтвердить, что вышли прямо-таки на пик этой самой формы... Я бы даже сказал – форм!

И он мгновенным, но явным жестом показал, какие «формы» имеет в виду.

– Ребята, ребята, проходите, – захопотал хозяин. – Максим, Володя, сейчас вам ваши денежки... Червонец-то один я разменял в магазине!

– Ценим заботу, – ответил Вован с иронией, которую Кондратьев не заметил. И чуть ли не торжественно вручил нам по зеленой трешечке, после чего объявил:

– А теперь к столу, у столу! Аэлита, у нас все готово?

– Разумеется. Чай, пирог, все ждет.

И мы веселой гурьбой ввалились в дом.

Здесь все было не просто прибрано, а умопомрачительно чисто. Это так и бросалось в глаза. Круглый стол был торжественно накрыт: чашки, тарелки, в центре блюдо с пирогом.

– Аэлита! – провозгласил Яр, – да вы же завидная невеста! Ваш будущий супруг – счастливейший из смертных!

– А если он окажется бессмертный?

Девушка явно за словом в карман не лезла.

Минашвили вздохнул:

– К сожалению, нэ поверю. Как врач. Вообще, занятия медициной – лучший учебник материализма.

– Вы не романтик... – начала было дочка в адрес интерна, но папа перебил:

– Ладно, ладно! Романтик, хиромантик – шут с ним, ты лучше угощай гостей. А вы расаживайтесь!

И так ловко распорядился, что я очутился рядом с Аэлитой. Подразумеваю, что снабженец уже прикинул, какая выгодная партия может привалить ему с дочерью. А может, зря все это, просто так я показался ему завидным женихом. А почему бы нет? Парень я видный, не хилый, рост сто восемьдесят, плечи широкие. Не то, чтобы красавец, но вполне симпатичен. Как говорится, вышел ростом и лицом – и почему бы его дочери не найти себе такого парня?!

И со стороны самой девушки я уловил интерес.

– Скажите, Максим, вот вы такой неразговорчивый... – протянула она. – Вы такой всегда или только сейчас?

– Конечно, всегда, – я ответил мгновенно, не задумываясь.

– А почему?

– Слишком умный, – отшутился я. – Думаю все время, поэтому говорить некогда.

– Это, брат, не показатель, – воткнулся в тему Яр. – Вот я тоже умный, однако, рот не закрывается!

– У тебя ум особенный, – съязвил Сашка. – Как будто из Южного полушария. Где вместо зимы лето.

Ребята развеселились, пустились балагурить, изощряясь в остроумии. Я тоже улыбался, но в разговор не влезал. И Аэлиту видел краем глаза, она была на обочине происходящего, нечто среднее между живым человеком и чудом.

Почему? А это и есть особый разговор.

Потому что в ней, в Аэлите, я увидел другую девушку. Её.

Светлану.

В той своей прошлой жизни, в будущем веке – странно звучит, но что же делать! – я так и не сподобился жениться. Бывало всякое – но не цепляло, не попадало в глубь души. Кроме одного раза. Вот с той самой Светой. Одно лето, чуть больше. От конца мая до начала сентября. Она вошла в мою жизнь из ниоткуда и исчезла в никуда. И я не смог ее найти, несмотря на весь интернет, хотя искал.

И вот через года, только в обратную сторону, отблеск той Светы я увидел в Аэлите. Опять-таки, сходство не столько во внешности, сколько во врожденной незримой женской магии. Не всем, конечно, это дано. Но есть такие женщины и девушки, к которым мужские головы тянет, как подсолнухи к солнцу. И я не исключение. Только я умею владеть собой. И ставить блок этому потоку.

Поэтому я в меру любезно разговаривал с ней и вполне поддерживал компанейское веселье, а про себя думал о том, как странно играет с нами судьба. Зачем и в этой жизни она подвела меня к женщине, до боли схожей с той, навсегда утраченной? Это же не просто так, это не может быть случайностью! Значит моя миссия не только в науке и в общественном благе. Что-то еще есть в моем попадании сюда, в СССР образца 1978 года. Нечто более тонкое, более глубокое. И я задумался об этом. Думать-то думал об этом, а ответа не находил.

...И когда мы шли по домам в теплом июльском полумраке, тоже думал. Молча. А ребята живо обсуждали красоту Аэлиты, все-таки дивясь тому, откуда у неказистого Кондратьева такая изумительная красотка дочь. Наверняка так причудливо сыграли гены матери, деревенской Венеры от природы. От земли.

– Да, ударная телка! – смаковал Ярый. – Есть в ней эта самая вещь...

– Сексуальность... – вторил Сашка.

– Я бы даже больше сказал. Шарм! – как говорят французы.

– Кстати, – как бы между прочим обронил Фролов, – к ней уже Костя Федоров клинья подбивал.

Этой новостью он сумел всех огорошить. Главное, в ней все уловили некую нотку правды! Костя Федоров, мажор и пижон, законодатель мод, недавно переведшийся к нам из московского НИИ, конечно, вызвал волнение среди юной женской половины «Сызрани-7» и глухое ревнивое бурление среди мужской.

– Когда это он успел? – удивился Вован. – Она приехала-то на днях!

– Наш пострел везде поспел, – усмехнулся я. – Вообще-то на него похоже. В таких делах он мастер.

Этот самый Костя мне чем-то безотчетно не нравился. Не тем, что высокомерный москвич, столичный сноб и тому подобное... Он, кстати, таким и не был. Он умел быть обаятельным. Но мне вот так и чудилась в нем какая-то моральная гнильца. Я не искал с ним знакомства, хотя он сразу же сделался тут источником светской жизни. В том числе, будучи знатоком современной рок-музыки. Всякие там «Битлы», «Роллинги» и «Смоки» были для него как раскрытая книга. Мог четко рассказать всю биографию Леннона или там Мика Джаггера, вызывая зависть некоторых.

– Ну уж, Костя твой!.. – сварливо заявил Яр, на что последовал спокойный ответ:

– Не мой. Я с ним и не общался толком. Мне он, честно сказать, как рыбке зонтик.

– Так Серега твой с ним был – водой на разольешь! Маслов который, – заметил Вовка.

– И все равно разлили, – хохотнул Татаренко. – Слушай, Фрэнки! А ты не знаешь, чего он так вдруг дернул отсюда? Как скипидаром под хвост плеснули!

Сергей Маслов – тоже перспективный молодой ученый, немногим постарше нас – примерно месяц назад перевелся от нас в Новосибирский академгородок. В НИИ примерно такого же профиля. В общем-то не без логики, но все равно странно. Смысл?.. Как выражается наш Ярослав: сменил шило на мыло, часы на трусы. Зачем?..

Работал он с Сашкой в одной лаборатории, и они не сказать, чтобы сильно дружили, но были приятелями, хотя к нашей компании Маслов не прибывался, предпочитая держать дистанцию.

Татаренко спростл по-простому, даже не задумавшись. А Фролов вновь изменился в лице – я это увидел даже в сумерках. Ироничный шутник-остряк вдруг пропал. Как будто молодой двадцатисемилетний парень внезапно превратился в человека на десять-пятнадцать лет старше.

Чудеса какие-то! Не припомню, чтобы за ним раньше такое водилось.

– Серега?.. – врасстяжку переспросил Саня. – Хм!

И совершенно неожиданно произнес:

– А хотите, расскажу, почему он так от нас сорвался?

– Хм! – теперь хмыкнул Минашвили. – Слушай, ты так говоришь, как будто хочешь открыть нам секрет племени бороро!

Чехословацкий фильм «Секрет племени бороро» в жанре «приключенческая фантастика» с большим успехом прошелся не так давно по советским экранам.

– Ну, у меня секреты похлеще... – проговорил Фрэнк, как бы размышляя... и вдруг решил:

– Ладно! Слушайте.

Глава 3

Он еще малость помолчал. И сказал:

– Я тоже сперва удивился. Мне Серега по секрету шептанул, что переводится. И чтобы я никому ни слова. Ну, естественно, я – молчок. А он мне говорит: знаешь, хочу с тобой поделиться, только ты никому. Знаешь... я заметил наблюдение за собой.

– Наблюдение? – искренне удивился Георгий. – Какое наблюдение?!

– В частности – прослушивание, – спокойно ответил Фрэнк. – Вы не знаете, где он жил?

– Нет, – сказал я.

– В пятом комплексе, неподалеку от пожарного пруда.

Тут, наверное, нужно небольшое пояснение.

В Сызрани-7 улиц практически не было. Вернее, были, но стихийные. Названия возникали сами. Вот, например, этот самый пожарный пруд – непреложное требование техники безопасности в 60-х годах...

Ну, если уж тема повернула сюда, то скажу, что имелась в городке целая пожарная команда: военнотружущие МВД. Два офицера: капитан и лейтенант; несколько прапорщиков, сержанты сверхсрочной службы, солдаты-срочники, автопарк. Вся численность полностью по штату, некомплекта не было, за этим следили строго. Личный состав тоже отборный. Короче говоря: пожарный пруд, как резерв воды на случай борьбы с возгоранием был предусмотрен в обязательном порядке. Сызрань-7 ведь возводилась второпях, по ходу пылания начальственных задниц и кресел во время Карибского кризиса. Прогресс, однако, на месте не стоит, а уж в научном-то городке сам Бог велел все делать по высшему разряду! И вскоре пожарную часть оснастили водопроводом высокого давления, пруд функционально стал не нужен. Однако остался, куда же его денешь. Землей не засыплешь. Кто-то додумался посадить вокруг него ивы – стало совсем шикарно! И вот участок за прудом – там было несколько коттеджей – стал называться Запрудной улицей. Так все и говорили, и я, хоть убей, не знаю, официальное это название или народное.

Но это было исключение. А вообще, жилмассивы в городке по-модному называли комплексами. Изначально их было пять, сейчас одиннадцать. И нумерация домов была такая: Второй комплекс, дом пять. Все жители к этому привыкли, никто не путался. Сказано: Восьмой комплекс, дом три – и все ясно. А посторонним это знать не надо.

Сашка понизил голос:

– Только смотрите, товарищи ученые, физики и медики... Мне по секрету, и я вам по секрету. Исключительно как друзьям, полагаясь на вашу порядочность. Надеюсь, что на вас поток информации и остановится.

– Вах! – карикатурно воскликнул Жора. – Клянусь родным Тифлисом!

– Тут вообще история такая, – Фрэнк невольно понизил голос. – Серега сказал: дескать, сперва какое-то странное чувство возникло. Неприятное такое. Как будто, говорит, в квартире кто-то был во время моего отсутствия. Какой-то домовый!

– Вещи не на месте были?

– Да! Причем на кухне. Тарелки чуть сдвинуты. А Серега, он аккуратист невероятный, педант до мелочности. Заметил сразу! Тарелки в кухонном шкафу чуть-чуть, но не на месте. Потом еще что-то... Словом, вот такие странные дела.

– Призрак замка Моррисвиль! – развеселился Татаренко.

– Типа того. Призрак Сызрани... Но ладно, черт с ним, мистику оставляем бабушкам деревенским на завалинках. Что тогда может быть? Как это объяснить? И главное – как будто не раз и не два, а такое устойчивое чувство. Не отступает.

– К невропатологу! – вынес я шуточный вердикт. – Жора, ты в этом направлении силен?

– Нэ особо. Я все-таки терапевт широкого профиля. Но с какими-то азами, бэссспорно, знаком.

– Ну, товарищи ученые! – поморщился Фрэнк. – Не о том речь. Короче: не отпускает чувство, что пока хозяина нет дома, кто-то неведомый посещает квартиру. А Серый же не дурак, он и сам прекрасно понял, что тут точка бифуркации. Два пути: либо и вправду к доктору, либо что-то неладно в нашем Сызранском царстве-государстве. Ну, первое, сами понимаете, отпадает...

Я кивнул механически. Чего тут не понять! Обращение к невропатологу, тем паче к психиатру – огромная пробоина в научной карьере. Хотя могла быть и не критической. Советская власть прекрасно понимала, что среди ученых немало чудиков, балансирующих на грани психической нормы. А иной раз и заглядывающих за эту грань. Гениальность даром не дается! Но если такой человек дает реальный научный результат с огромной практической важностью – ну ладно, пусть дуркует, шут с ним. Лишь бы пользу приносил, и лишь бы совсем крыша не улетела.

Да, такое могло быть. Но оно прощалось уже состоявшимся гигантам научной мысли. А молодому растущему ученому, которому надо строить карьеру, такое противопоказано категорически.

– ...отпадает. Ну и, короче, стал наш Маслов осторожно обшаривать квартиру. Толково, разумеется. Сперва проанализировал: где оно может быть?

– Оно? Подслушивающее устройство, что ли?!

Я воскликнул это, догадавшись, но не поверив ни догадкам своим, ни ушам. А Фролов подтвердил с видом эксперта высочайшей квалификации:

– Точно так.

Здесь оторопели все – даже в густых сумерках, почти в ночи можно было увидеть обалделые физиономии. Вовка аж крякнул:

– Ну! Это ты загнул, Фредди, втроем не разогнуть. Шпионских фильмов пересмотрел? «Ошибка резидента»...

– Сейчас разогнете, – пообещал Санька. – Смотрите: он подумал – если и вправду есть «жучок», то где он может быть?

– В кухне, – сказал я.

Фрэнк взглянул на меня как на вундеркинда.

– Точно. Почему ты так решил?

Я усмехнулся:

– Ну, во-первых там проще спрятать среди разных технических коммуникаций. А во-вторых, на кухнях ведется много всяких необязательных разговоров. И если уж подслушивать, то именно там. Согласны?

– Совершенно, – без малейшей шутки сказал Фрэнк. – Совершенно. Вы как всегда правы, Макс Отто фон Штирлиц.

– Я разве всегда прав? – с иронией удивился я.

– Большею частью.

– Ты давай не отклоняйся, – буркнул рассказчику Володя.

– Да, – согласился Фрэнк. – Короче говоря, Серега начал искать. Вот прямо интересно было бы на него посмотреть со стороны в эти минуты! И что вы думаете? Нашел! Где? Да где сроду не догадаться. Под раковиной. Где сливная труба уходит в стену. Вот разве кто сунется туда в здравом уме с ученой степенью, а? Неглупо придумано. Очень неглупо!

– Погоди, – растерянно сказал Яр. – Ты что, серьезно?

– Серьезней не бывает.

– Поверил?

– Сразу. Не тот он человек, чтобы сказками кормить.

– И ты молчал? – спросил Володька с подозрением.

– Ну почему? – невозмутимо парировал Саня. – Вот вам говорю.

Слушатели помолчали, и я угадал, как всех посетила примерно одна и та же мысль: ну, если так, то это либо родные органы нас берегут, либо...

А вот отсюда уже начинались вольные догадки. Если это не наша служба режима и безопасности, то кто?

Ответ напрашивался сам собой.

Нечего и говорить, что объект «Сызрань-7» представляет огромный интерес для иностранных разведок. Нет сомнений и в том, что этим разведкам удастся и забросить в нашу страну из-за кордона отлично обученную агентуру, а также завербовать местную из морально неустойчивых граждан. И отсюда предположение: шпионский вирус проник в наукоград, внутрь периметра. И что подслушивающие устройства, в просторечии «жучки», не рассеяны по квартирам сотрудников. Может быть, и у нас.

Разумная версия? Более чем!

Не знаю, насколько посетила эта мысль каждого из нашей компании, но меня – точно. И еще я решил, что балаболить об этом пока нечего. А нужно сперва самому проверить, выяснить...

Итак, допустим, что подслушивающие устройства могут быть в принципе. Допустим, что они установлены и в нашей квартире. Допустим, что в кухне. Допустим, что стандарт один: устанавливать жучки за канализационной трубой... Вот и посмотрим!

Как нарочно, назавтра вышло так, что Володя задержался на работе после окончания трудового дня. Руководство попросило. Я тут же энергично припустил домой, надеясь, что и наша квартирная хозяйка Зинаида Родионовна тоже будет отсутствовать. Бабушка она была очень коммуникабельная, охотно моталась по соседям, и шансов оказаться дома одному у меня было побольше пятидесяти.

И сбылось! На самом деле дома никого. Я на всякий случай крикнул: «Зинаида Родионовна!» – получил в ответ тишину и сразу полез под раковину.

Где ничего не нашел. Смотрел внимательнейшим образом, и пальцами пощупал за трубой – нет, пусто.

Чертыхнувшись, я попятился из-под мойки – и в этот момент в замке заворочался ключ.

Мысленно чертыхнувшись, я попятился из-под раковины и, как назло, зацепился футболкой на спине за что-то непонятное.

– Володенька-а! Максимушка-а!.. – умильно пропел старушечий голос.

Наша квартирная хозяйка Зинаида Родионовна Бок была не такая уж и бабушка – семидесяти нет. Но, во-первых, в те годы люди вообще выглядели гораздо старше, чем в двадцать первом веке, а во-вторых, Зинаида Родионовна сама превратилась в старушку, овдовев. Не то, чтобы опустилась, но психологически как-то переломилась. Решила, что ее удел – время дожития. Что больше в ее жизни не будет ничего, кроме того, что день за днем, зимы-весны, годы... И это надо спокойно прожить – и все.

Понятно, что при данном раскладе вдова стремительно постарела, хотя со здоровьем у нее никаких проблем не было. Но она вся мысленно переехала в прошлое. «Как при Леониде Робертовиче,» – это был ее бесконечный припев.

Леонид Робертович Бок был, разумеется, немец. Разумеется, наш, русский. Из Крыма. Все это я узнал от Зинаиды Родионовны, которая могла говорить о муже неустанно. Благодаря этому я даже составил психологический портрет покойника. Это был такой упорный, надежный труженик, не хватавший звезд с неба, не сиявший разумом, зато на своем участке работы выполнявший все досконально и качественно.

Добротный инженер-конструктор, он добился попадания в секретный наукоград, что при его «пятом пункте» было непросто. Запись в графе «национальность» напрягала особистов и

кадровиков – хотя, конечно, официальных запретов не было, но негласные распоряжения... Взгляд кадровика обязательно спотыкался о слово «немец» в пятом пункте анкеты, и – ну нафиг, от греха подальше! Если есть возможность заменить на русского или украинца, то лучше заменить. Крепче спать будешь.

Так вот, выходит, конструктор Леонид Бок оказался незаменим. Прорвался в «Сызрань-7». Чуть ли не в пятьдесят лет с натугой защитил кандидатскую. То есть, в том возрасте, когда ведущие ученые давно уже доктора, член-корры, академики... Получил медаль «За трудовое отличие». Потом медаль «Ветеран труда». А потом помер. И теперь жил в бесконечных воспоминаниях Зинаиды Родионовны.

– Я здесь! – сдавленно отозвался я, ворочаясь под раковиной и безуспешно пытаюсь освободиться. Зацепился, блин! Не отцепишься.

– Что с вами, Максим? – ужаснулась хозяйка, входя в кухню.

Воспитанная старушка разговаривала с нами строго на «вы».

– Решил проверить, – глухо отозвался я. – Показалось, что мойка протекает.

– Ах, как это неприятно! И вы сейчас рубашку порвете... Погодите, я вам помогу.

И она убрала зацеп – складку футболки, которую задел кронштейн раковины.

– Спасибо, – я выбрался и распрямылся. – А насчет протечки не волнуйтесь. Все нормально. Показалось! Я проверил тщательно. Не течет.

– Ах, слава Богу! – Зинаида Родионовна всплеснула руками. – А я уж было испугалась...

Конечно, когда Леонид Робертович был жив, ничего подобного и представить было нельзя! Он все проверял и перепроверял заранее, всю домашнюю технику, представляете?

– Конечно. Решал проблемы, пока они еще не стали проблемами. На дальних подступах.

– Да, да! Вы так верно это сказали... Вы умеете формулировать, вот сразу видно настоящего ученого! Ах, Максим, как хорошо, что ничего не протекает, с трубами все в порядке! Я, знаете ли, так напугалась... Мало было этой гари, так еще бы и трубы потекли. Это ужасно было бы!

– Какая гарь, Зинаида Родионовна?! Простите, не понял.

– Ну, как же! А Володенька вам ничего не говорил?

– Нет.

– Ну как же: на кухне стал ощущаться запах гари! Раньше не было такого, это точно. Пахнет чем-то горелым. Не так, чтобы сильно, но я же чувствую...

И она вдруг прервалась. И даже в лице переменялась. Как будто сделала открытие чрезвычайной важности. И голос изменился, она зашептала таинственно:

– Знаете, Максим, я кажется догадываюсь... Это он! Я не сомневаюсь теперь.

– Кто? – от неожиданности я тоже заговорил шепотом.

– Ну как же! Я ведь вам говорила. Этот, со второго этажа. Как его там: Дементьев, Демидов... Не вспомню, к сожалению. Подозрительный тип! Очень подозрительный. Мне он сразу не понравился, как только въехал сюда. Взгляд такой неприветливый. И не поздоровается толком, так, буркнет что-то, и все.

Я понял о ком речь, но тоже не смог вспомнить фамилию. Действительно, не то Демидов, не то Дементьев... А может, и Давыдов. Работает в третьем корпусе, кандидат наук. Холостой. Жил в общежитии, а тут вдруг освободилась однушка в нашем доме, он сюда и переехал. Это было с месяц тому назад.

И вот Зинаида Родионовна этого как бы Демидова-Давыдова невзлюбила не пойми с чего. Сотрудник как сотрудник, совершенно ничего особенного. Да, бука такой, не улыбнется, слова лишнего не обронит. Но среди ученых много подобных персонажей, со странным сумраком на чердаке. И этот ничем не выходил за пределы нормы.

Однако Зинаида Родионовна упорно бухтела: что-то ей было не так.

– Это непременно он! Знаете, за ним надо понаблюдать.

Она многозначительно умолкла, поджав губы. Все морщинистое личико внезапно приобрело необычайную важность.

В первый миг я не понял:

– Понаблюдать?.. В каком смысле?

И вдруг догадался – в каком.

Хозяйка все молчала, важно надувшись.

Я не удержался от улыбки:

– Зинаида Родионовна! Вы что, намекаете, что он может быть агентом зарубежной разведки?

– Я бы этого не исключала, – произнесла она замогильным от таинственности голосом.

– Гос-споди... – протянул я, чем явно ее обидел. Она, должно быть, угадала в этом слове тот самый смысл, что в нем и содержался: ну, бабка пересмотрела да перечитала шпионских детективов до помутнения мозгов. Майора Пронина какого-нибудь.

– Ах, Максим, вы еще такой молодой! – воскликнула хозяйка с легким упреком. – Еще так мало знаете жизнь!.. Если бы вы знали, что бывает на белом свете! Вот мы с Леонидом Робертовичем работали на оборонном заводе, и там взяли с полочным одного техника. Можно сказать, на наших глазах. Представьте себе! Да, выполнял задание не то американцев, не то канадцев, точно не скажу. Так ведь разве подумаешь?! Самый обычный молодой человек, комсомолец, активист... В самодеятельности выступал! А оказался вот кем.

Она зловеще покачала головой.

А я вдруг посмотрел на дело с другого ракурса. А что? В бабкиных словах что-то есть, какая-то золотая жилка! Только надо ее как следует раскопать.

Я спохватился, заметив, что упустил разговор. Зинаида Родионовна что-то бубнила нелестное про соседа:

– ...горелым стало пахнуть, я же чувствую! Вот что он там делает у себя? Что жжет?

– Думаете, это он?.. – механически пробормотал я.

– Ах, Максим! Ну что вы! А кто же? Кому же еще?! Раньше ведь такого не было. Воздух в кухне стал тяжелый, спертый, я же чувствую!

Признаться, я этого не замечал, но кто знает, может, обоняние у старухи как у леопарда. Невольно я вскинул взгляд на вентиляционную решетку...

И поразился.

Отверстие кухонного дымохода было задрапировано съемной жестяной решеточкой. Никогда я в нее не вглядывался... Да что там вглядываться в такую житейскую мелочь! Ну есть она и есть, и все на том. А вот теперь бабулька понесла как будто чепуху, и надо же...

Решетка была как будто чуть выгнута, перекошена, как будто кто ее потревожил совсем недавно.

Я не поверил своим глазам, хотя вида не подал. Но всмотрелся. И понял, что не ошибся.

Еще раз: решетку дымохода кто-то недавно отворачивал и второпях вновь привернул.

Глава 4

– Так-так... – вырвалось у меня.

– Вы о чем, Максим? – миг наострилась старушенция.

– Пустяки, – отговорился я, и жестко перехватил инициативу в беседе: – Хорошо, Зинаида Родионовна! В ваших словах есть резон. Железный! Я этим займусь. Понаблюдаю.

Этим решением я так и пролил хозяйке бальзам в душу. Она долго еще вдохновенно причитала на тему хитрости и коварства враждебных спецслужб, а я в это время обдумывал свое. Хотя, если правду сказать, все уже было решено, а просто я перекачивал про себя одну и ту же мысль. Правда, она от этого крепла.

И эта мысль была не про сумеречного Дементьева-Демидова. Нет, и его сбрасывать со счетов нельзя, но он пока пусть побудет в запасе. Здесь тема посерьезнее. И вообще рано рассуждать! Сперва надо убедиться. А уж потом...

Мне ли, ученому, не знать, как часто какая-нибудь совершенно нелепая идея становится отправной точкой к открытию! И мне ли, знающему то, что стало в будущем, прозевать здесь чьи-то вражеские происки, направленные против моей страны! Ну уж нет, я этого не позволю!

Но сначала все-таки да, надо проверить лично. И Вовке я пока тоже не стал ни о чем говорить.

И как нарочно, назавтра шеф – то есть наш завлаб – срочно отправил меня с комплектом чертежей в первый корпус.

– Слетай, Андреич, будь другом! Срочно, они там прямо икру мечут. Да смотри, не потеряй! Гриф «Для служебного пользования»! Это, конечно, не «Секретно», но все равно, не дай Бог, такого геморроя отведаем...

– Не бойсь, Виктор Михалыч.

– Тогда жми! Аллюр три креста.

Разумеется, я все доставил, взял расписку в получении – и бегом завернул домой. Зинаиды Родионовны, к счастью, не было, и я тут же приступил к делу.

Как у всяких уважающих себя технарей, у нас с Володькой дома хранился изрядный комплект инструмента на все случаи жизни. Вентиляционная решетка крепилась на четырех шурупах-саморезах, всаженных в деревянные «пробки». Подобрать крестообразную отвертку – две секунды. И я приступил к делу.

Еще через пару минут все было готово. Я осторожно снял решетку, вызвав небольшую песчано-мусорную струйку, и взглянул в шахту вентиляции...

Вот это да!

Какое-то время я зачарованно глядел в темную неопрятную дыру. Гипотезы превращались в теорию. Вернее, превратились.

На нижнем кирпиче вентиляционного окошка стояла металлическая коробочка. Из нержавейки. Размером примерно с телефонную записную книжку, только потолще. Стало быть, довольно объемистая штукавина, которая чуть ли не наполовину перекрывала окошко. Ну и понятно теперь, отчего Зинаиде Родионовне чудился запах гари! То есть, не чудился, он реально есть. Чудилось ей, что кто-то что-то жжет – здесь да, в этой точке ее фантазия включилась и не смогла вовремя выключиться. А на самом деле это просто воздух плохо уходил. И жирный жар от сковородок, кастрюль, духовки, что прежде успешно вытягивался в дымоход, теперь наполовину оседал в кухне.

– Вот оно что, Максим Андреевич... – пробормотал я и, не прикасаясь к коробочке, осторожно осмотрел ее, насколько это было возможно.

Явная самоделка. Вот интересно, это кто ж у нас такой умелец?.. Что подобную штуку на территории «Сызрани-7» могут сварганить самопально – в этом сомневаться нечего. Тут каж-

дый третий Кулибин. Да плюс могучие производственные мощности! Это не вопрос. Вопрос – кто именно? И зачем?!

Тут я глянул на часы. Пора! Отпустили ненадолго, злоупотреблять нельзя. Вмиг я привинтил решетку на место, успев подумать, что теперь нам с Вовкой предстоит выслушивать долгие монологи вдовы о вредительском соседе со второго этажа... И эта мысль как-то сама собой перекатила к идее расспросить подробнее Ирку, жившую с этим Демидовым-Дементьевым бок о бок. При ее феноменальном любопытстве и коммуникабельности она обязательно должна была навестить к нему лыжи. И попытаться охмурить – уж это к бабке не ходи.

Неведомый слухач откручивал и прикручивал жестяную решетку коряво – видать невооруженным глазом. Стало быть, не мастер. Тот, кто сумел изготовить жучка, уж наверняка бы сделал несложную операцию куда более аккуратно. Вот еще тебе, Максим Андреич, информация к размышлению. Можно предполагать, что действовали минимум два человека!

Я, конечно, привык мыслить научными штампами – что вовсе не плохо. Это четко строит ход рассуждений. И руки у меня растут откуда надо. В отличие от действий неизвестного чепушилы, решетка под моими пальцами и отверткой встала на место как влитая. Точно ее не трогали!

Наскоро прибрав высыпающийся мусор, я пустился на работу, продолжая размышлять на бегу.

Итак! Двое как минимум. Что это значит? Да многое это может значить!

Ход мыслей оказался недолгим, поскольку на площадке между первым и вторым этажами я наткнулся на идущую вверх Ирку. Так сказать, мечты сбываются на встречах курсах.

– О! – явно обрадовалась она. – Встреча у фонтана!

– У почтовых ящиков, – остудил радость я. – Ты что не на работе?

– Отгул у меня! – гордо объявила она. – А ты?

Вот какой может быть отгул у лентяйки?

– А я на работе.

Она заржала:

– Лежа работаешь? На кровати! Научные проблемы решаешь?..

– Это, Ирина Анатольевна, не вашего ума дело, – парировал я вежливо, но с язвинкой.

– А-а, конечно! – она запустила ответную иронию. – А какое тогда дело моего ума?

«Перед мужиками кривляться да выпендриваться,» – так и вертелось на языке. Но сказал, понятно, совсем иное:

– Это отдельный разговор. Лекция по психологии.

– Так ты еще и психолог?!

– Самоучка. Ладно, Ир, шутки шутками, а я в самом деле на работу бегу. Пока... Или нет, стой!

– Да? – с интересом спросила она, и даже дурачки-юморной настрой у нее пропал.

– Ты соседа своего хорошо знаешь? – я ткнул пальцем в сторону двери холостяка.

– Витальку, что ли? – ярко-голубые глаза сразу потемнели. Взгляд похолодел.

– Не знаю, Виталька он, Сандалька или еще кто. А фамилия не то Дементьев, не то Демидов... В общем, как-то в этом роде.

– Как-то вроде, – сказала Ирина без улыбки. – В огороде. Демьянов он. Виталий Григорьевич.

– С чем его и поздравляю. Так что о нем скажешь?

– Да козел, – с сердцем ляпнула Ирка, что я вмиг перевел так: не поддался на мои чары. Я и так, и сяк околдовывала, а он как чурбан бесчувственный... Ясное дело, козлище, что еще сказать.

– А если точнее?

– А что точнее? Сидит сиднем дома. С работы домой и торчит там, как сыч. Чем занят, пес его знает.

– Научными трудами, как ты говоришь.

– Может быть. А может, на диване лежит, карманный бильярд гоняет. А мне все это пофиг!

Я усмехнулся:

– Ладно, спасибо за информацию.

– На здоровье. А тебе все это зачем?

– Ну как же. Все мы коллеги, любопытно знать. А ты, я знаю, ходячая энциклопедия нашей жизни. К кому, как не к тебе за сведениями...

Не уверен, что Ирка осилила все мной сказанное, но в целом ей понравилось. Она разулыбалась, вознамерилась еще поболтать, но тут я решительно закруглил беседу, понесся на работу. И не опоздал.

Размышления вовсе не мешали мне работать в лаборатории. И по пути домой, и за ужином с Володькой – мы пили чай, перекидывались второстепенными фразами – я продолжал соображать. Пока помалкивая. И даже Вована не посвящая в свои расклады. Раскидывал же я мозгами примерно так.

Значит, установкой прослушки занимались несколько человек. Группа. Это серьезно. Кто бы это могли быть?.. Спецслужбы. Наши или... не наши. И то и другое достоверно.

Та-ак... Ну, если наши, то наверняка они бы поставили промышленного, заводского «жучка», а не это рукоделие. Вряд ли уж они бы стали мастырить самопал. Значит?

Хм! Если это чудо техники слепили местные умельцы из подручного материала, то это может говорить и о том, что они продались иностранной разведке, и о том, что кто-то здесь пытается создать свою секретную организацию. Приоритетная версия – доморощенная агентура зарубежной разведки...

Мысля таким образом, я успевал болтать с Володькой, попутно заметив его задумчивость. Я его знаю уже как облупленного, и по разным оттенкам настроения легко угадываю, так сказать, техническое состояние дружка. В данном случае младшего научного сотрудника Мечникова глодала задумка из разряда «и хочется, и колется, и мама не велит». Я его не подгонял – сам расколется.

Так и случилось. Вовка глотнул чаю, вытер губы ладонью и как-то нерешительно сказал:

– Слушай, Макс...

– Слушаю, – сказал я нейтрально, давая понять: подсказывать ничего не буду, все излагай сам.

– Тут одна история нарисовалась...

– Рисуй, – я чуть улыбнулся.

В принципе мне уже все было ясно. Вован, спору нет, парень неплохой, даже хороший. Но есть у него один бзик – срубить как можно больше бабла. И это не жадность, как можно подумать на первый взгляд. Нет. Тут психологический ребус поинтереснее.

Мне кажется, что заработанными деньгами Володя измеряет социальный рейтинг как таковой. В четком числовом исчислении. Нам в «Сызрани-7» платили, конечно, прилично по сравнению с обычными учреждениями. Наш брат МНС с учетом всяких надбавок, премий, сверхурочных – выгонял до двухсот рублей. Это хорошая зарплата, повыше средней по стране. Но Вовке этого было мало. Повторюсь: он вовсе не скупердяй, не Плюшкин. И займы давал, и на общие развлечения – легко. Над деньгами не трясся. Заработок у него был сродни спортивному азарту. Самоуважения, если угодно. Срубить в месяц меньше ста восьмидесяти – значило потерять лицо перед самим собой.

Малость помявшись, помямлив, друган мой наконец-то разродился идеей:

– Как тебе сказать... Короче, там, за забором, познакомился я с одним...

В нашей «семерке» весь внешний мир частенько в разговорах называли «за забором, за оградой, за периметром...» – в этом было некое простительное корпоративное пижонство, вроде того, что у офицеров гвардейских полков.

Далее, однако, Володька затуманил речь: с одним, да с одним... Мне это дело надоело, я сказал:

– Вольдемар, ты кончай тень на плетень наводить. Говори ясно!

– Ну, по правде говоря, я его и сам толком не знаю. Тут ведь дело такое, что чем меньше знаешь, тем лучше спишь. Одним словом: он готов взять конденсаторы и резисторы, чуть ли по пятерке за штуку. Ну, по четыре пятьдесят.

Детали, применяемые в электросхемах нашего оборудования, были высшего качества и «за периметром» ценились очень высоко – и спецами и «перекупами». Не знаю, кто был тот персонаж, с которым замутил Володька, но в любом случае он не прогадал бы.

Я, услышав данный бизнес-схематоз, уставился на Вовку очень холодно. Он заерзал на табуретке.

– И как ты это себе представляешь? – не менее ледяным тоном произнес я, прекрасно представляя, что он ответит.

Вовка заерзал сильнее.

– Ну как, как, – огрызнулся он. – Можно подумать, ты не знаешь эту механику... квантовую. Долго ли списать в некондицию штуки три-четыре, если умеючи. И вот тебе чуть ли не червонец на брата. А отряд и не заметит потери бойца...

Он говорил это все неувереннее и трусливее, потому что я смотрел все так же холодно и неприступно. Возникла пауза. Я зловеще покачал головой:

– Товарищ Мечников...

– Ну?

– Гвозди пальцем гну. Счастье наше, что мы в комнате сидим, а не на кухне.

– Это почему?

– А потому, что у стен есть уши. Ты не помнишь разве тот разговор в сумерках?

Володька смотрел на меня круглыми глазами:

– Ты что... Думаешь, и у нас?!

– Думаю, – сказал я со значением. – И опять же уверен, что вероятнее всего в кухне.

– Да?

– Да. Поэтому, уважаемый коллега, с этого дня рот на замок для всех нелояльных тем.

Вник?

– Более или менее, – вздохнул Вован, с трудом расставаясь с мыслью о червонце.

– Лучше более. А насчет заработка...

– Тоже лучше более.

– Согласен. Будем думать.

Однако думать не то, чтобы не пришлось, а судьба в лице начальства подумала за нас.

Назавтра в обеденный перерыв завлаб вдруг загадочным тоном объявил:

– Скворцов, Мечников! Дуйте в первый корпус. К Котельникову.

Я аж присвистнул:

– Вы не шутите, Сергей Сергеич?!

– Шучу, разумеется. В принципе! Что за жизнь без шутки? Это не жизнь, а поминки. Но сейчас все серьезно, как за защите докторской. Ноги в руки – и в первый корпус!

Алексей Степанович Котельников, замдиректора института по науке, был для нас, «младших лейтенантов», почти небожителем. Сегодня не первое апреля, поэтому повторять не пришлось. Понеслись. Володьку, правда, грызла печаль:

– А как же насчет обеда?..

– Начальству виднее, – сурово отвечал я.

Начальство все у нас обитает в первом корпусе. Через несколько минут мы деликатно постучались в дверь приемной Котельникова:

– Можно?..

Немолодая сухопарая секретарша окинула нас взглядом контрразведчика:

– Скворцов, Мечников?

– Мы!

– Проходите! Алексей Степанович ждет вас.

Мы прошли и...

И я безмерно удивился, хотя и глазом не моргнул.

В кабинете вместе с Котельниковым находился заместитель директора по режиму Борис Борисович Пашутин. Иными словами, наш главный пограничник и контрразведчик в одном лице. Два замдиректора на двух МНС-ов! Ничего себе картина.

Насчет главного пограничника – все верно, хотя система охраны в «Сызрани-7» была непростая, и не столько сложная, сколько запутанная в результате межведомственных трений.

Когда объект только создавался в бешеной гонке Карибского кризиса, то и руководящие документы писались впопыхах – по каким-то там показателям высчитали, что для караульно-постовой службы потребна примерно рота. Ее и создали – отдельную роту охраны Внутренних войск. Ну, а потом запоздало осознали, что спешка хороша только при ловле блох и при поносе: «семерка» сильно разрослась, роты явно не хватало. И вот тут-то начался административный футбол.

Проблему отпасовали МВД: давайте, мол, выделяйте дополнительно роту, не то расширьте штат до батальона... Но МВД, а точнее, в те времена МООП (Министерство охраны общественного порядка), успешно отмораживалось под разным предложениями, и в конце концов, неведомо в каких начальственных верхах решено было усилить сторожевую службу отрядом Военизированной охраны (так называемый ВОХР) – полувоенной организации из вольнонаемных лиц, включив в этот отряд и вожатых караульных собак и самих, естественно, собак. Да, вот такое веселое подразделение было в нашем городке, целый собачий питомник, множество вольеров. Иной раз псы поднимали там неистовый лай – уж не знаю, что они хотели друг другу сообщить, но орала на всю округу, и уgomонить их бывало нелегко.

Ну да ладно, это детали, а по существу вот что: у нас одновременно имелись и командир Отдельной роты (аж целый майор) и начальник отряда ВОХР, а оба они подчинялись Пашутину. Отношения между майором и главным ВОХРовцем были не то, чтобы натянутые, но ревнивые. Вроде бы им и делить между собой ничего не надо было, у каждого свой охраняемый участок..., но тем не менее.

Да, а Борис Борисович, стало быть, царил над ними. И вообще все вопросы безопасности, секретности, анализа агентурной информации – все это замыкалось на нем. Немного загадочный персонаж. Наверняка ведь он был сотрудник КГБ, но никак не вязался его облик с имиджем этой суровой организации. Очень моложавый, хотя немолодой, Борис Борисович был самый настоящий столичный денди, изящный и ухоженный, в элегантных костюмах. Мужчина без возраста. Немного замкнутый, безупречно корректный. В общем, такой КГБ-шник, наверное, и должен быть в столь необычном месте, где зашкаливающая концентрация ученых...

– Ага, – негромко произнес он, увидев нас. – Это они и есть, Алексей Степанович?

– Да, – кратко, сухо ответил Котельников, мельком глянув на нас.

Мы синхронно и вежливо улыбнулись.

– Присаживайтесь, – велел особист, скупым точным жестом указав на стулья напротив себя.

Мы сели. Пашутин уставился на нас немигающим и ничего не выражающим взором. Профессиональным. Пауза длилась секунд пять-семь, после чего он веско молвил:

– Ну что, молодые люди? Поговорим по-взрослому? По-мужски.

– Конечно, – кивнул я, и мысль заработала как ядерный реактор.

Что значит это приглашение? Что значит этот разговор?!

Я ощутил себя как путешественник, перед которым вдруг распахнулась огромная неведомая страна.

Глава 5

И тут мне внезапно помог Котельников.

Шагнув от своего рабочего стола к «совещательному», он произнес негромко:

– Наши ребята иначе и не умеют. Верно, Максим Андреевич?

– Так точно! – четко подтвердил я, по интонации замдиректора уловив, что мужской разговор пойдет в нашу пользу.

Кстати говоря, он-то как раз был больше похож на чекиста в расхожем представлении. Или на военного. Ранга «полковник – генерал». Коренастый, мощный, с ручищами-клевнями. Лысая голова, грубые черты лица. Тяжелый, властный взгляд. И при всем том – доктор физмат наук, глубокий знаток теоретической физики, и плюс к тому отменный организатор, умеющий решать вопросы эффективно. Счастливое сочетание! Для общего дела. Для кого-то оно оказывалось вроде горькой редьки. Нередко слышал я ворчливые обиды на него. Впрочем, с теми, кто по его мнению, с работой справлялся, он был сдержанно-поощрителен, а нерадивым говорил примерно следующее:

– На первый раз я прошу вас учесть ваши ошибки. Очень надеюсь, что вы их осознали, потому что второго раза не будет. Всегда помните: силой вас здесь никто не держит. А вот силой вас отсюда проводить за ограду – это очень возможно...

– Ну, – Пашутин усмехнулся, – коли так, то хорошо...

И руках у него неведомо каким чудом очутились вдруг две плотные картонные папки – наши личные дела. Я разглядел на ярлыках папок надписи: «Скворцов», «Мечников».

– Ну-с, молодые люди и ученые, – с неуловимой иронией спросил он, – догадываетесь, зачем мы пригласили вас?..

Володька слегка ткнул меня коленом в бедро, что нельзя было расценить иначе как: давай! Скажи! У тебя язык лучше подвешен.

– Чтобы сообщить нечто существенное, – вежливо сказал я.

Я чуть запнулся, подыскивая слово, и нашел.

– Та-ак, – поощрил зам по режиму. – В первом приближении верно. А конкретнее?

Вот ведь как тебя разобрало. Конкретнее... А, была-не была! Он говорит с нами вполне доброжелательно, стало быть, и мне можно вести себя повольготнее.

– Ну, полагаю, нам предстоит повышение по службе.

Пальцы Пашутина, перебиравшие листы в папке Мечникова, замерли. А сам Борис Борисович взглянул на меня с живым любопытством.

– Та-ак... – повторил он еще более растянуто. – А можно узнать ход ваших рассуждений?

– Позволь, Борис Борисыч, – чуть поморщился зам по науке. – Ну что здесь мудрить? Неужто непонятно – если тебя, рядового сотрудника, приглашают к замдиректора, а там присутствует еще один замдиректора... Ход мысли как минимум логичный.

Пашутин неопределенно хмыкнул. Алексей же Степаныч спокойно продолжил:

– Ты не забываешь, надеюсь, что ребята наши думают системно. Профессионально. Думать – это их работа. Им за это и платят.

Он вообще говорил очень спокойно, ровно.

– Моя – тоже, – подчеркнул Пашутин. – Только по другой части.

– Ну, кто же спорит, – Котельников слегка развел тяжелыми ручищами. – А уж раз так, то тебе карты в руки. Излагай.

Зам по режиму согласно кивнул. Помолчал. И лицо изменилось.

– Вот что, ребята, – промолвил он. – Как я уже сказал, разговор серьезный. И перво-наперво: ни единого слова из него за стенами кабинета прозвучать не должно. Надеюсь, это понятно?

И воззрился на нас холодно.

А я позволил себе легкую вольность:

– Вы в этом разве сомневаетесь?..

– Дополнительный вопрос, товарищ Скворцов, не означает сомнения, – столь же холодно и вежливо произнес особист. – Но давайте ближе к делу! Действительно мы отобрали вас двоих как способных молодых специалистов, подающих надежды. Проверили. По всем пунктам у вас безупречно, так что... Так что вам можно доверить новый уровень секретности! Новое дело. Самый передний край науки, можно сказать.

Он умолк и после краткой паузы скуповато улыбнулся:

– Ну, а здесь я этой самой науке слово и передаю. В лице уважаемого Алексея Степановича.

Алексей Степанович кратко кивнул. Лицо было сосредоточенным, даже хмурым.

– Прошу слушать внимательно, коллеги, – объявил он. – И запоминать!

...По пути домой Володька дал волю эмоциям:

– Так это же! – чуть не захлебывался он, – это же выходит, что мы и триста в месяц сможем заколачивать! А может, больше?!

– Если балду гонять не будем, – посмеивался я.

– Ну-у нет! Никакой балды. Я ради такого дела день и ночь пахать буду!

– Да уж, это тебе не конденсаторы-транквилизаторы тырить!

– А, ладно тебе! Проехали.

– Проехали, согласен. А могли бы приехать! Счастье, что никто не слышал, кроме меня.

Сейчас попали бы на спецобъект, как же!

– Да я бы никому и не сказал!

– Ну, товарищ дорогой, это еще вилами на воде писано...

Вовка усердно сопел и шмыгал носом, сознавая мою правоту. Пошмыгав так, он поразмыслил о чем-то и осторожно спросил:

– Слушай, так об этом прямо-таки никому? А Сашке Фрэнку?

– Володя, ну ты маленький, что ли, а? – с сердцем сказал я. – Детский сад, штаны назад! Ты осознаешь, что нам доверили?!

...Там, в кабинете, Котельников веско проговорил:

– Прошу слушать внимательно, коллеги. И запоминать! Вы правы, Скворцов, мы действительно хотим предложить вам перейти на перспективный участок работы. Собственно... Борис Борисыч, как это лучше описать с твоей позиции?

– Да в общем, несложно. Смотрите, парни, – почти по-дружески произнес Пашутин, – весь наш институт, вернее, весь город, «Сызрань-7», он как будто на поверхности, так? Ну, режим, секретность, это понятно, обязательно. Святое дело! Но по сути, это прикрытие для главного. А главное – оно находится здесь, под первым корпусом. В глубине!

Он энергично ткнул пальцем в стол строго сверху вниз:

– Понятно?

Я вмиг смекнул: что может находиться в глубине, невидимое не только для рядовых граждан, но даже для большинства сотрудников «семерки»? Только то, из-за чего я отправился в путешествие по времени! Ускоритель заряженных частиц, он же коллайдер.

Пашутин невольно понизил голос:

– Там, можно сказать, целое метро. Это известно ограниченному кругу лиц. И теперь вы допущены в этот круг. Конечно, мы вас долго проверяли, наблюдали. Рекомендации от вашего руководства самые положительные.

Здесь как бы неуловимо подмигнул – так, что не скажешь, было это или нет. Почти волшебство.

Специально, что ли, их учат таким приемчикам?..

И сказал тоном заговорщика:

– Знаете, если бы вы себя вели постно, как монахи – мы бы еще подумали, привлечь вас к делу или нет. Ну а вы нормальные молодые люди! Все, как говорится, психологические и социальные реакции совершенно соответствуют...

– Ничего себе, – я улыбнулся. – В наши дни все поставлено на научную основу!

– Вот именно. Вам ли это не знать! Мы вас просветили как рентгеном. И решили: годитесь! Ну, вот это по моей части, – заключил он. – А теперь слово Алексею Степановичу.

Тот наклонил голову, как-то набычился, что ли. Подбирал нужные слова.

– Борис Борисович описал форму, – наконец, промолвил он. – А теперь по содержанию. То, что строится вот здесь, – он постучал ногтем по столу, – это ускоритель двух встречно направленных потоков частиц. Понимаете!

– Конечно, – с интересом сказал я. – Это ведь то самое, что американцы... ну, что по-английски называется коллайдер?

Теперь пришел черед Котельникову смотреть на меня с интересом. Секунд пять смотрел молча.

– Верно, – согласился он. – Откуда информация?

– За литературой слежу, – скромно признал я. И назвал пару свежих публикаций в «Nature».

Пашутин с Котельниковым переглянулись. Молча. Но я прочел в их взглядах: «Ага! Не ошиблись!»

– Верно, – повторил он. – Коллайдер. По-английски, значит, сталкиватель. Звучит коряво, да. Я для себя называю: «встречный тоннель». Правда, – он косо усмехнулся, – правда, подозреваю, что это не приживется.

– По-английски так и станут называть, – буркнул Борис Борисович. – Как обезьяны все передирают у янки...

Алексей Степанович сумрачно кивнул.

– И даже у дикси, – сказал он, обнаружив знание различий между северянами и южанами в США. – Но черт с ним! Так вот значит, встречный тоннель.

– Как кольцевая линия метро, – не замедлил подчеркнуть я. – В Москве.

– По существу, так. Ну, диаметром поменьше. Но с Бульварным кольцом вполне сопоставимо.

Володька зачарованно покачал головой:

– Надо же... Это ведь грандиозные масштабы строительства! А я совсем ничего не замечал. Абсолютно!

Умел Вован подмахнуть начальству в нужную точку в нужную минуту.

Пашутину слышать такое был как ликер в душу.

– Хлеб с маслом даром не жуем, – он самодовольно откинулся на спинку стула. – Но теперь будете знать. Seriously, ребята: вникните в то, что вам доверено! Вы в научную элиту попадаете. В высшую лигу! Я бы сказал, теперь перед вами путь открыт полностью. В кандидаты, в доктора, в академики...

– Вникли, – я кивнул.

– Не совсем еще, – неожиданно изрек особист. – Окончательно будет сейчас. Вот!

И он вынул из портфеля два небольших разграфленных листочка, пояснив:

– Подписка о неразглашении. Ответственность – сами понимаете. Читайте, пишете: я, такой-то, ознакомлен... Номера паспортов. Помните?

Я свой помнил, Вовка нет – но у Пашутина, конечно, было все зафиксировано.

– ...подпись, дата, – закончил он. – Ну, поздравляю! Теперь дальше о режиме секретности...

– ...Мне все это тебе напомнить? – жестко сказал я. – Ты соображаешь, каким уровнем ответственности это пахнет?

– Да уж конечно, чего там, – недовольно пробормотал Володька. – Ладно, все, тема закрыта! Ты мне лучше другое скажи...

– Ну, слушаю, – произнес я с некоторым внутренним напрягом, ибо мой друг обладал способностью присылать мне по жизни сюрпризы, от которых хотелось выразиться неприлично.

Он многозначительно помолчал – и с умным видом выдал:

– Пирог какой-нибудь нам Родионовна сегодня оформит? К вечернему-то чаю?..

– Тьфу ты, Господи, – искренне сказал я. – Разыграл!

Вовка, довольный, расхохотался.

...Яблочный пирог с посыпкой – шикарный, слов нет – конечно, был, и вообще мы поужинали от души. Правда, Зинаида Родионовна включила было тему Леонида Робертовича, поэтому я, ловко улучив момент, вклинился в речевой поток:

– Зинаида Родионовна, извините... Володь, у тебя же Ландсберг есть? Трехтомник?

Вовка будто споткнулся, глянул с изумлением:

– Конечно! А что?

– Надо бы взглянуть.

И я сам взглянул на приятеля очень выразительно.

Он вмиг все смекнул: чаепитие надо закруглять, иначе хозяйка нам пропарит покойником мозги до состояния манной каши.

– Да! – звонко хлопнул себя по лбу. – Как же я забыл-то! Идем... Зинаида Родионовна, прошу прощения, нам надо срочно одну формулу глянуть... Это как раз по нашей работе в лаборатории. Так называемая формула Ландау. Есть одна серьезная проблема... э-э, теоретическая... надо бы поработать, подвигать мозгами...

Зинаида Родионовна, услышав про теории, формулы и трехтомники, поджала губы, сделал запредельно умное лицо. Сама-то она в физике и технике ни бум-бум, конечно, но от покойника чего-то худо-бедно нахваталась и навсегда усвоила благоговейное отношение к наукообразной терминологии.

Мы прошли к себе, я поплотнее прикрыл дверь. Не убежден, что Зинаида Родионовна не подслушивает у пристенка. И тут же телевизор включил.

– А ловко ты про формулу Ландау ввернул! – приглушенно рассмеялся Мечников.

– Смекалка в науке – первое дело, разве не знаешь, – подмигнул я.

Знаменитый физик Лев Ландау, жизнелюб, весельчак и неисправимый греховодник, шутки ради вывел вполне солидную с виду формулу женской красоты: соотношение объемов бюста, талии, бедер, еще чего-то там... Ну а я и сболтнул для солидности. Сработало.

Что же касается Ландсберга, то это так называемый «Элементарный учебник физики» в трех томах. Для многих поколений советских ученых и инженеров он служил незаменимым оперативным приложением к памяти. Если надо было припомнить что-то позабытое, уточнить, перепроверить себя – трехтомник должен быть под рукой.

– Слушай, – вполголоса произнес Вован. – до сих пор не могу в себя прийти... Нет, как нам подфартило-то! Можно сказать, выигрышный билет вытянули, да?

– Конечно. Цени, – кратко ответил я. – Кстати, Ландсберга дай мне все-таки. Третий том. В самом деле нужно кое-что взглянуть, без маскарадов...

...Лунный свет призрачно заливал комнату. Володька давно дрых без задних ног, слегка похрапывал во сне. Я же ворочался, сон не шел.

Какова связь между установкой «жучка» и приглашением на сверхсекретный объект? Никакой? Случайность?.. Хм! Не думаю. Впрочем, допустим. Тогда выходит, что прослушку устанавливала не служба Пашутина. В пользу этого тезиса говорит и то, что торчит там кустарщина, а не фабричный аппарат... Да, худо-бедно можно предполагать, что в нашем охранном ведомстве попробовали сами соорудить такую технику – почему бы не поэкспериментировать при такой мощной производственной базе?..

Так! Не будем чересчур мудрить. Иначе никогда не вылезем из бесплодного перебора вариантов. Принимаем позицию: «жук» установлен в нашем дымоходе неизвестными лицами.

И отсюда вопрос: зачем?!

Я так заворочался, что Володька чуть не проснулся. Что-то пробормотал невнятное, перевернулся с боку на бок. И захрапел дальше.

Я притих, но думать, конечно, не перестал.

Итак: зачем? Подслушивать!

Это ясно, но это не ответ. Ответ: подслушивать не кого-то, а нас с Мечниковым. И дальше совсем не сложная логика: значит, эти некто заранее знали, что нас двоих переводят на работу крайней степени секретности. В коллайдер. И никакой случайности тут нет! И если жучка впихнула не служба режима, то стало быть...

То стало быть, в «Сызрани-7» завелся крот. А так как одному такую тему, конечно же, не потянуть, значит, ползучая плесень распространяется по нашему научному городку... Вернее, уже распространилась.

А из этого пункта вырастает вопрос главный: кто они?..

Ответа нет. Пока. Найти его! – вот она, задача. Вот тебе, товарищ ученый, самый что ни на есть житейский экзамен. Насколько ты умеешь системно мыслить. Решать любые задачи. Ищи!..

С этой мыслью я уснул, и снилось мне что-то неясное, но приятное. А проснувшись, первым делом подумал, что надо забежать в отдел кадров, донести вкладыш с оценками из вузовского диплома. Почему-то его там, в кадрах не оказалось. Володькин на месте, а моего нет. Маленький, но непорядок. Потребовали найти. Тот самый Трунов, Николай «Стаканыч», известный буквояд. Как он прошляпил мое приложение к диплому – Бог весть, но вот сейчас промах нужно было срочно закрыть.

Вчера вечером, порывшись в своих бумагах, я без труда сей документ нашел – и вот теперь надо было заскочить к кадровикам. И еще ряд бумаг собрал, так что пришлось их все сложить в плотную картонную папку.

– Вован, – второпях, обжигаясь горячим чаем, сказал я. – Выйдем пораньше, чтобы вкладыш этот забросить Стаканычу?.. А ровно в девять в приемной, тютелька в тютельку.

Володька одновременно и кивнул, и рукой отмахнулся, при этом жуя бутерброд.

– В девять у Котельникова, – согласился он. – А в кадры ты сам спеши. Я нормально хочу пройтись, без суеты. Воспринять утреннюю свежесть...

Ты смотри, какой эстет!

Но спорить я не стал:

– Ладно. Тогда я помчался!

– Валяй.

И Мечников подлил в свою чашку крепкой заварки. А я наскоро оделся и припустил вниз по лестнице.

Между вторым и первым этажами я совершенно инстинктивно бросил взгляд на наш почтовый ящик...

Стоп.

В смотровых дырочках ящика белела бумага.
Я почему-то подумал, что письмо хозяйке от Оленьки – ну, если так, но брать не буду,
сама возьмет. Но взглянуть стоит.
Я открыл ящик, оттуда выпал конверт.
В графе «Кому» ровными печатными буквами было написано:
СКВОРЦОВУ МАКСИМУ.
И больше ничего.

Глава 6

Впрочем, сейчас не было у меня времени на размышления и даже на то, чтобы вскрыть конверт и прочитать, что там. Поэтому я просто вбросил конверт в папку и понесся в первый корпус

Кадровики уже меня ожидали. Вид и речь у них были одновременно напыщенные и виноватые – они и сознавали свой косяк, и пытались делать вид, что ничего не произошло. Мне на это было наплевать, я сунул им бумажку, придержал едва не выпавший конверт и распрощался. Без пяти девять влетел в приемную Котельникова.

Володька был уже здесь, секретарша сосредоточенно стучала на машинке.

– Успел?.. – усмехнулся он.

– Как видишь.

А еще через минуту в приемную резко шагнул чуть запыхавшийся Рыбин.

Вот настоящий завхоз! – весь в делах, всегда на бегу. И взгляд цепкий – исконного хозяйственника, не привыкшего упускать ничего, что попало в поле зрения. По принципу – хватай все, а потом разберемся.

– Ага... – это было первое, что произнес он. Затем как-то принужденно осклабился: – Доброе утро, молодые люди. Вы к Алексею Степанычу?

Дурацкий вопрос, если честно. К кому еще здесь мы можем быть? К Ленину ходоки?..

Такое провертелось у меня на языке, но я лишь вежливо ответил:

– Так точно.

– О, – завхоз разулыбался шире, – армейский ответ, четкий... Довелось послужить?

– Да откуда же! – встрял Вован. – Мы ведь сюда со студенческой скамьи. Не помните нас, Михаил Антонович? Мы еще у вас мебель на складе получали!

– Э, молодежь! Да разве всех вас упомнишь?.. Вас ведь сколько ко мне ходит? Сотни! А Рыбин один.

Он старательно рассмеялся, и вновь вышло как-то с натугой. Я счел это за неудачную остроу и слегка обозначил улыбку: дескать, у каждого бывают шутки не самые лучшие.

Вообще Рыбин был дядька солидный, представительный, обладатель благородной «платиновой» седины. Вот так глянешь – точно за профессора примешь. И всегда выглаженный, аккуратный, несмотря на беспокойную пыльную должность...

– Армейская закалка! – с гордостью говорил он – я как-то случайно краем уха услышал. – Я же в войну ротой командовал. Образцовое подразделение было! Сам комдив в пример ставил!..

Прихвастнуть своей службой он мог, что правда, то правда. Так как бы между делом подчеркнуть былые заслуги.

Это искрой промелькнуло в памяти, чуть было не зацепилось еще за что-то – но тут дверь кабинета открылась. Предстал озабоченный Котельников.

– Нина Сергеевна! Завлабов-четыре, двенадцать и пятнадцать вызвали?

– Разумеется, Алексей Степанович, – спокойно ответила та, не переставая печатать. – На девять сорок.

– Отлично... Антоныч здесь, молодец!

– Всегда готов, Алексей Степанович.

– Заходите!

– Прощу! – Рыбин сделал учтивый жест, пропуская нас. – Молодым везде у нас дорога.

– А ты, никак, себя в старики записал? – немедля откликнулся зам.

– Я?! Да Боже упаси, Алексей Степаныч! Я еще такого шороху наведу, чертям жарко станет!

Неожиданная шутка.

Впрочем, Котельников не обратил на это внимания, бросил взгляд на часы, отрывисто скомандовал:

– Садитесь!

Все расселись примерно так же, как вчера, правда, хозяин кабинета занял начальствующее место во главе стола.

– Значит, так! Ну, Михаил Антонович, с тобой у нас разговор короткий...

– Я длинных и не признаю...

– С чем тебя и поздравляю, – зам слегка нахмурился, дав понять, что перебивать его речь не следует. – Значит, так! Два начинающих исследователя, подающих большие надежды, – краткий кивок в нашу сторону, – переводятся на Объект.

Он четко выделил артикуляцией: Объект. Или даже так: ОБЪЕКТ. Рыбин чуть нагнул голову: ясно, дескать, не впервой. Босс, однако, счел необходимым поднажать словесно:

– Ты понимаешь ведь, что это значит? И что этому разговору за стены кабинета не выйти?..

– Ну, Алексей Степанович... – завхоз даже обозначил благородное недоумение, – когда от меня что отсюда выходило?!

– Хорошо, хорошо, – зам успокаивающе приподнял ладони. – Я лишь для проформы. Повторение – мать учения! – это я даже не тебе, это себе говорю. Значит, так: они где-то минут через двадцать, через полчаса будут у тебя на третьем складе, выдашь им полные комплекты спецодежды. И...

– И без лишних глаз.

В голосе Рыбина прозвучал все-таки едва заметный упрек. Зачем, мол, повторять мне то, что я давным-давно знаю?

Но Котельников не пожелал этого заметить:

– Совершенно верно. На этом, собственно, все. У тебя ко мне вопросы есть?

– Есть, Алексей Степанович.

– Излагай.

– Вы ведь вызвали завлаба-четыре?

– И еще двух.

– Те двое меня не волнуют. А этот... как его, здоровый такой детина?

– Мартынюк.

– Он самый. Прошу ему втык сделать. Хороший такой! От души. Вроде клизмы.

– За что? – Котельников приподнял брови.

– Он к моим кладовщикам подъезжал в обход меня. И его сотрудники тоже. Насчет лабораторной посуды сверх лимита.

– Та-ак... – заинтересованно протянул замдиректора. – Уже любопытно. Ну-ка, с этого места поподробнее!

Завхоз стрельнул в нас взглядом: мол, можно ли при них?.. Котельников молча кивнул – можно. И тот продолжил:

– У них там, по моим сведениям, какой-то сильно нехороший Гондурас вышел. Не то лопнуло что-то, не то взорвалось... Но они все сами потушили, затихарили. Докладывать не стали. Ну, сами понимаете: Мартынюк этот на ниточке висит, выговор у него...

– Выговора нет пока. Замечание.

– Ну все равно не сладко. Вот он и скрыл эту историю. А имущество-то угроблено! Теперь они и зашныряли тайными тропами...

– А у тебя на складах излишки, конечно. Неучтенка.

– Ну а как же без этого, Алексей Степаныч?!

Рыбин заухмылялся шире, и в правом углу рта внезапно блеснул золотой зуб. Раньше я такой подробности не видел.

– У хорошего завхоза без этого нельзя. В меру, конечно.

Зам ответно усмехнулся:

– Чувство меры – вообще одно из главных в нашей жизни... Ладно, Михаил Антоныч, я тебя понял. За информацию – благодарю! Принял к сведению.

– Только, Алексей Степаныч...

– Да не волнуйся, не узнает он, откуда протекло. Вернее, узнает, но не то.

– На Пашутина сошлетесь?

– А вот это уж мое дело, – вежливо, но твердо возразил Котельников. – Ребята тоже – рот на замке. Так?

– Могила! – заверил Володька.

– Тогда у меня все, – завхоз поднялся. – Иду на третий склад, жду ребят?

– Да.

Рыбин вышел, плотно и аккуратно притворил за собой дверь. Котельников вновь глянул на часы на левой руке.

– Третий склад знаете, где? – как-то невнимательно спросил он.

Мы оба отрицательно мотнули головами. Я, правда, приблизительно представлял, где у нас склады и хранилища, но их нумерацией сроду не интересовался.

– Это прямо здесь, – уточнил Котельников и для наглядности ткнул пальцем вниз. – В полуподвале. По ближней лестнице спуститесь, там пост ВОХРа, я их предупрежу... Цокольный этаж – объект охраняемый.

И он наскоро объяснил, где в полуподвале склад № 3.

– ...получите обмундирование – и ждите. Официально, между прочим, вы теперь числитесь в той самой «четверке». Ваш начальник – вышеупомянутый Мартынюк, Геннадий Кириллович.

Он чуть повел рукой в сторону пустого стула, где минуту назад обретался Рыбин.

– Ясно! – брякнул Вован.

– Вы его знаете? Мартынюка, я имею в виду.

– В лицо, – сказал я. – Впрямую не общались.

– Ну, познакомитесь, пообщаетесь. Один из самых перспективных наших молодых. Кандидат физ-мат наук. Способности большие, перспективы еще больше. А вот опыта маловато. Наукой увлечен сверх головы, отчего и промахи. И замечание одно имеет, тоже верно. Официальное. В приказе.

Тут Котельников помолчал, как бы нечто обдумывая про себя. Усмехнулся:

– Я абсолютно уверен, что Рыбин чистую правду сказал. И его можно понять. Что-то рвануло, они там дружно это дело засекретили... А они все за своего завлаба – горой! Он для них как капитан корабля. И это правильно! – неожиданно заключил замдиректора. – Один за всех, и все за одного, так и должно быть. Без этого настоящей науки не бывает. Без проб, ошибок, неудач. Но держать в ежовых рукавицах надо. Притормаживать. Иначе... Впрочем, ладно! – прервал себя он. – Это уже вас не касается. Короче говоря, прямой ваш начальник – Мартынюк, числитесь вы у него, но трудитесь в подземке. Он в курсе, он и сам там в основном, а лаборатория у него как приложение к основной работе... Полагаю, насчет режима секретности мне лишний раз твердить не надо?

– Незачем, – молвил я.

– Иного и не ждал. Ну...

И тут загремел телефон.

Вообще, телефонных аппаратов у Котельникова на служебном столе стояло три: обычный с диском, цвета «слоновая кость», черный без диска, с заглушкой на его месте, и здоровенный,

тоже черный, причудливо-архаичного вида, и с диском и с набором кнопок и клавиш. Селектор, наверное, громкая связь.

Звонок был резкий, требовательный, я сразу угадал, что звонит бездисковый аппарат.

– Прошу прощения, – зам поспешно встал, можно сказать, что вскочил. Прошел к служебному столу, не садясь, снял трубку – все верно я угадал.

– Да!

В трубке авторитетно забурился неразборчивый голос. Фигура Котельникова – он стоял к нам спиной – будто бы подтянулась, как у военнослужащего в строю.

Мы с Вованом переглянулись.

«Шеф!» – сказал он мне без слов, одними глазами. Я кивнул.

Заместитель только отвечал, докладывал, сам ничего не говорил:

– Да... Да, разумеется... Вызвал завлабов, будем уточнять. По окончании доложу... Да, здесь по графику, но предполагаю, что через неделю придется потяжелее. Топлива уходит больше расчетного. Порядком больше. Да, Рыбина, Кондратьева надо подключать... Хорошо! Есть.

И он положил трубку, вернулся. Но не сел. Вид у него был озабоченный, хотя не хмурый.

Между прочим, разговаривал он с шефом, то есть с директором института академиком Поливановым вежливо, уважительно, но без малейшего подобострастия. Как со старшим товарищем. С наставником.

А то, что закончив разговор, он не стал садиться, я расценил как сигнал к завершению беседы нашей. И толкнул Вовку коленом.

Он вмиг все понял, мы дружно поднялись. Котельников расценил это как само собой разумеющееся:

– Ну, пока так. Ступайте. Нет, погодите! Одну минуту.

Он вернулся к рабочему столу, нажал клавишу на эбонитовом чудеце.

– Да, – раздался искаженный голос.

– Нина Сергеевна, позвоните на пост охраны в цокольный этаж. Скажите, сейчас придут двое: Скворцов и Мечников. И созвонитесь с Пашутиным, им надо постоянные пропуска сделать. Все!

Он повернулся к нам:

– Желаю удачи! – и крепко пожал руки.

Мы отправились указанным маршрутом вниз, и на входе в полуподвал на самом деле встретили пост ВОХР: столик с телефоном, настольной лампой, и низенького тщедушного старичка в темно-синем обмундировании. Я вмиг понял, что старичок – ветеран какой-то из силовых структур: МВД, КГБ, а может, отставной армейский офицер, и это не исключено. Советский ВОХР едва ли не наполовину состоял из подобных пенсионеров.

– Фамилии? – промолвил он скрипучим голосом, прямо-таки пронизав нас взглядом темных глаз.

Я представился за двоих.

– Документы? – последовал вопрос.

И паспорта, и удостоверения у нас были с собой. Каждый сотрудник «Сызрани-7» имел рабочее удостоверение, и они различались по степени значимости и допуска. У нас с Володькой пока были самые рядовые – для подвального помещения их хватало, если при этом было указание по телефону. Тем не менее дедухан тщательно просмотрел все четыре документа, долго и строго взглядывал на нас, сличая лица с фотографиями. Прямо-таки сверлил взором. И в целом впечатление было такое, что ему очень не хочется пропускать нас – просто так, из принципа. Но и причин на то никаких не было, вот досада-то.

– Проходите, – с неудовольствием сказал он, возвращая бумаги.

– Как нам третий склад найти? – спросил я.

Старичок пару секунд поважничал, однако вынужден был проронить:

– Сейчас налево, потом до конца почти... Вам к Рыбину?

– Да, да.

– Ну, он там... Увидите, дверь приоткрыта. Тоже налево.

Странно, но в голосе стража мне почудилась неприязнь. Не к нам, а к завхозу. Ну да, мало ли что, где-то когда-то сцепились.

Впрочем, заморачиваться я не стал. Миновав пост, мы повернули влево.

Пожалуй, Котельников недогнул палку, назвав помещение полуподвалом. Это был подвал самый настоящий, этаж не нулевой, а минус первый, без естественного освещения: длинный сумрачный коридор, скудно озаряемый мертвенным светом неоновых ламп. Плиточный пол, запертые массивные двери, иные со штурвалами. Заметно веяло здесь подземным холодком, шаги наши звучали неправдоподобно гулко.

– Бр-р-р!.. – шуточно встряхнулся Володька. – Антураж для фильма ужасов! Ты когда-нибудь видал такие?

– Один раз, – механически брякнул я.

И спохватился, да поздно.

Эх, черт! Ну какие фильмы ужасов в СССР 1978 года!..

Мой странный персональный опыт, вместивший в себя будущие почти полвека, меня, конечно, выручал. Зная будущее, я мог ориентироваться в жизни гораздо лучше моих нынешних современников. Мог выглядеть умнее. Конечно, я этим ни в коем случае не злоупотреблял, никогда не подчеркивал, хотя ни в коем случае не упускал тех плюсов, какие мог из послезнания извлечь.

Но вот сорвался.

– Это где ты видел? – удивился Володька. – Когда? Какой фильм?!

– Где?.. Да в Москве, на закрытом показе, – нашелся я. – На конференции был в позапрошлом году, там нам и организовали. А название – «Ребенок Розмари». Американский.

– Ничего себе, – удивился Вован. – А чего ты раньше не говорил?

– Да что там говорить! Овчинка выделки не стоит. Фигня... А, вон, смотри, дверь! Да и сам Михаил Антонович.

Рыбин приоткрыл дверь, махнул нам рукой, избавив меня от необходимости выдумывать. То есть, «Ребенка»-то я смотрел, конечно, но в такое время и в таком месте, о которых рассказать невозможно.

– Проходите, проходите, – изобразил гостеприимство завхоз. – Вот мои владения!

– Чертоги, – усмехнулся я.

Мы переступили высокий порог, и...

– Ничего себе! – Вовка аж восхищенно присвистнул, озираясь. Да и меня впечатлило.

Помещение оказалось немыслимо огромным. Место близ входа освещалось несколькими мощными лампами, а влево и вправо ряды стеллажей уходили в непроглядную тьму.

Рыбин остался доволен произведенным впечатлением.

– Да, – промолвил он. – Если не дивизию, то минимум бригаду можем снабдить!

– Здорово, – простодушно признал Мечников. – Михал Антоныч, а вы говорили, на фронте ротой командовали?

– Довелось, – отвернулся и пригнулся, что-то перебирая на ближайшей полке. Голос зазвучал глухо. – А что?

– Да я думаю, из вас бы интендант вышел идеальный!

– Так ведь в конце концов и получился, – Рыбин засмеялся, выпрямился. – Ну что, давайте обмундировываться!

Фраза про интенданта меня как-то так странно, боком зацепила.

– В смысле, Михаил Антонович? Вы на фронте интендантом тоже побывали?

– Не то, чтобы на фронте...

Завхоз проронил это как-то неохотно и не договорил. Но здесь уже разобрало меня.

Помимо родной физики я всегда увлекался историей. Еще со школьной скамьи. Конечно, по-любительски. Тем не менее, знал ее неплохо. Особенно отечественную. И сейчас память вмиг подсунула мне знаменитую фразу Суворова: дескать, любого интенданта после пяти лет службы можно смело вешать без суда...

Смех смехом, а ведь Рыбин явно съехал с темы. Почему?

Это меня раззадорило.

– Простите, Михаил Антонович, не понял. Вы сказали: не то, чтобы на фронте... Как так?

– Как так? – переспросил зачем-то завхоз. – Да вот так. В прифронтовой полосе. Не линия фронта, но Действующая армия. Ближний тыл.

Он говорил все это как бы между прочим, как говорят о чем-то обыденном. Но я угадал в его взгляде странность... Или нет, лучше сказать, что он попросту спрятал взгляд. Так сузил веки, что глаз почти не стало видно.

Ну и что это значит?

Глава 7

Мысль эта только родилась, и тут же ее смысл Володька дурацким возгласом:

– Михал Антоныч! А вы нас по ИТР-овской норме снабдите?!

– Ну конечно! – завхоз разом смахнул с себя странное наваждение. – Все, давайте к делу! И понеслось...

Советская спецодежда – да как любая иная – являла собой известный социальный срез. Рядовым рабочим полагался один комплект инвентаря, инженерно-техническим работникам (ИТР) – другой, руководящему составу – третий.

– Вот! – Рыбин потряс потрепанной брошюрой – нормами обеспечения разных категорий сотрудников Объекта. – Я, конечно, все наизусть помню, но лучше себя перепроверить. Чтобы никакого Гондураса не вышло. Комплект верхней одежды, комплект нижнего белья...

Верхняя одежда сотрудников различалась цветом: рабочие – куртка и брюки черного цвета, ИТР – темно-синие. Начсостав – голубые, чуть ли не джинсовые; правда, мы этого не увидели. Нижнее белье: летнее и зимнее, соответственно хлопчатобумажное (х/б) и полушерстяное (п/ш). Обувь: ботинки яловые высокие, по щиколотку (работягам полагались такие же по фасону, но кирзовые – подчеркнул Рыбин)... Носки х/б. Защитные каски белого цвета. Рабочим полагались желтые или оранжевые.

– Так, – подытожил завхоз. – Ну, вроде бы с одеждой, обувью все, теперь дополнительные средства.

Из таких средств мы прежде всего получили армейский «тактический фонарь» – коробочку немногим больше портсигара под плоскую батарейку 4,5 вольта, способную светить в режиме обычном, мигающем, а также трехцветном. Тут же проверили и работоспособность этого, как сейчас бы сказали, девайса. Все работало отлично: мигало, светило белым, зеленым, красным.

Вовка пришел в детский восторг:

– Ты смотри! Прямо светофор! – и залился жизнерадостным смехом.

Но это было еще не все. Выдали нам, так сказать, и интеллектуальное оснащение: офицерский планшет, рабочий блокнот в клеточку, шариковые ручки – самые простые, по цене 35 копеек. Карандаш ТМ, ластик. И, наконец, душевой комплект: мы получили по вафельному полотенцу, розовому бруску мыла «Земляничное» и по натуральной лыковой мочалке, издававшей совершенно волшебный древесно-лесной запах.

– Вот теперь все! Экипированы полностью, – Рыбин широко улыбнулся, золотой зуб хищно сверкнул. Но завхоз тут же согнал улыбку: – Ребята, предупреждаю! Все это только на территории объекта. Ничего не выносить за пределы! Вплоть до мочалки. У вас в душевой будет свой шкафчик, все там остается. И теперь... А, вот и ваш непосредственный начальник! Он вам все остальное расскажет.

В помещение, улыбаясь, шагнул здоровенный светловолосый парень в очках. Ростом за сто девяносто, в плечах черт знает сколько. Возраст – около тридцати. Редящие волосы гладко зачесаны назад. Чем-то он заметно смахивал на знаменитого штангиста Юрия Власова – не лицом, а общим типажом, конечно: такой амбал-интеллектуал.

– Михаил Антонычу наш пламенный привет! – прогремел он. – Начальнику штанов, сапог и валенок!

– Ну-ну, – с юмором отругнулся Рыбин. – Валенки у меня вовсе нет, а без штанов и сапог наших не видать бы вам ваших нейтронов с протонами...

– Эт-то верно! – захохотал здоровяк. – Да здравствуют советские завхозы! Труженики закромов Родины!

Михаил Антонович только отмахнулся, посмеиваясь. Сел за стол, вынул из ящика бланки счет-фактур, накладных, синие листки копировальной бумаги. А завлаб наконец-то воззрился на нас. Глаза у него были очень светло-голубые, почти белые.

– Так, а это молодое пополнение? Ну, будем знакомы! Мартынюк Геннадий Кириллович, можно – Гена. Не обижусь.

Ладонь у него показалась мне размером со средний книжный том, но жал руку он бережно, без пустого озорства. И вообще в целом было в нем нечто сразу же располагающее, даже ободряющее. Словом – сразу в плюс. И заговорил деловито, без предисловий:

– Ну, парни, у нас с вами час на первое знакомство с объектом, а потом мне в лабораторию, есть дела неотложные. Имущество получили?

– Сейчас, – ответил за нас Рыбин. – Накладные выпишу – и забирай свое пополнение.

– Ладно, – согласился Мартынюк и вдруг элегически вздохнул: – А я сейчас хорошее такое вливание получил от Алексей Степаныча! Узнал откуда-то про наш погром...

– Все тайное когда-нибудь становится явным, – сдержанно молвил Рыбин, не поднимая головы и продолжая заполнять бланк.

А завлаб, помолчав, задумчиво проговорил вслух:

– Кто-то капнул ему, без вопросов... А кто – вот это вопрос!

– Ну, вопрос твой без ответа, – сказал завхоз совершенно спокойно. – Это департамент Пашутина, там сплошь секреты. Что есть правильно!

Геннадий помолчал, думая о своем. Лицо его не то, что омрачилось, но отразились в нем некие не озвученные мысли.

– Да, – наконец, произнес он. – Эти ребята работать умеют. Дело свое знают.

Видать, какие-то взрослые темы у него с «этими ребятами» случались.

А меня прямо так и тыкало сказать: да это ж он, Рыбин тебя и слил, а теперь вид делает, что его номер тут десятый! Но, разумеется, я промолчал. Однако зарубку в памяти сделал.

Тут наш завлаб стряхнул с себя задумчивость, сказал бодро:

– Ну, Антоныч, завершил ты свои бессмертные строчки?

– Бессмертная душа, как попы говорят, – неожиданно ответил Рыбин. – Но это вряд ли.

Мартынюк, показалось, опешил от такого ответа.

– Ну ты глубоко копнул, – в голосе прозвучала легкая насмешка. – На философском факультете не учился?

– Меня жизнь учила лучше, чем всякий факультет, – Михаил Антонович расписался в накладных. – Тебе, Гена, такие университеты и не снились... Расписываемся в получении, молодежь! Проверяем все по списку. И поступаете в распоряжение Геннадия Кирилловича.

Тот весело подмигнул нам:

– Вперед, juniors! Приобщаться к высотам и глубинам науки.

И мы вышли в коридор вслед за новым шефом, в обнимку с барахлом, которого получился изрядный объем. Я еще и папку тащил, не забывая о загадочном письме в ней.

Могучая фигура Мартынюка рождала в коридорной полутьме причудливые волны теней. Шагал он быстро, не оглядываясь. Но мы не отставали.

Коридор был чудовищно длинный, куда длиннее, чем само здание корпуса. Немного загибаясь влево, он уходил вдаль, вдаль, вдаль... И никого! Тишина – если не считать монотонный гул вентиляции.

Мы так не дошли до конца, когда начальник сбавил ход, обернулся:

– Ну вот, товарищи! Вход в подземный храм теоретической физики.

Действительно, мы остановились перед массивной дверью с цифровым замком и штурвалом.

– Шифр запоминайте! Записывать нельзя.

И завлаб продиктовал нам пятизначный шифр: 79625, предупредив, что он ежемесячно меняется.

– Упражнение для развития памяти, – сострил Гена и предложил мне самому нажать кнопки, что я и сделал. Володька напряженно следил, беззвучно шевеля губами – запоминал код.

– Теперь вращай, – Мартынюк изобразил движение по часовой стрелке.

Я взялся за колесо, ощутив приятный холодок металла. Нажал – пошло очень, очень туго... Но чем дальше крутил, тем легче становилось, а сверхмассивная дверь сперва как бы нехотя отделилась от стены, а затем по плавной дуге стала двигаться вправо. И тут же включилось нечто вроде сигнализации: не очень громкие, но назойливые писклявые сигналы.

Тут пошло совсем легко, как по маслу. Хоть пальцем крути, одно только удовольствие. Не дверь, а перышко!

Пи, пи, пи... – унылая музыка сопровождала процесс.

– Стоп, – скомандовал Геннадий, когда дверной проем достиг ширины побольше метра, демонстрируя бетонные стены крайне аскетичного, зато очень ярко освещенного помещения. – Заходим.

И шагнув первым, сразу отключил занудную гуделку. Стало тихо.

Это самое помещение представляло собой, собственно, техническую лестницу, ведущую вниз: железные пролеты и марши. Мы в обратном порядке заблокировали дверь, прогремели вниз по лестнице, где и встретили еще один пост охраны, уже настоящий военный.

Прапорщик в полевой форме: сапоги, португепя, глухой китель; погоны и петлицы обесцвечены под окрас хаки. Никакого отличия от общевойсковой коллеги. Эмблемы на петлицах те же самые: «сiju в кустах и жду Героя». Внешне – самый обычный парень немного постарше нас, среднего роста, с невыразительным лицом. Да, и через плечо в полной боевой готовности – новейший автомат АК-74, легко узнаваемый по толстой трубке дульного тормоза.

– Здравия желаю, – немного фамильярно сказал Мартынюк, доставая документы. – Это наши новые сотрудники, вот их бумаги. Постоянные удостоверения будут готовы в течение недели. Ребята, паспорта ваши дайте.

Прапор в ответ на это молча кивнул, все просмотрел с пристрастием, вернул. Лишь тогда обронил:

– Проходите.

И, пригнувшись, нажал какую-то невидимую кнопку.

Тотчас же дверь за его спиной почти бесшумно отъехала влево – примерно как дверь лифта, только одностворчатая. Мартынюк широко улыбнулся:

– Ну что? Прошу!

И мы шагнули в «святая святых».

Здесь, в отличие от «предбанника» с прапорщиком, царил полутьма. Помещение и вправду разительно напоминало тоннель метрополитена, ну, возможно, немного меньших размеров. И вместо рельсового пути по центру тоннеля – бесконечная многосоставная труба сложной конфигурации диаметром в человеческий рост. К ней шло множество подводов – проводов и трубок, где-то очень-очень далеко слышалось металлическое побрякивание.

И заметно прохладно было здесь, и ощущался запах свежей стройки: совсем недавно застывшего цемента, извести.

Мартынюк легонько похлопал по трубе ладонью:

– Ну вот он, красавец!

В голосе его прозвучала искренняя нежность. Наверное, так художник мог бы сказать о своей картине. Ну а что? Ведь так оно и есть! Детище могучего коллективного разума советских ученых – и кандидат физико-математических наук Мартынюк как раз и есть один из многочисленных родителей.

– Ладно, ребята, пошли переодеваться. Бытовки у нас пока временные, оборудованы не очень... Осторожнее! И под ноги смотреть обязательно. Пока мы тут вроде метростроителей, живем в полумраке. Фонари вам выдали?

– Да, – сказал я.

– Слушайте и запоминайте!

Он рассказал нам, в каких случаях какие режимы подсветки применяются.

– Запомнили?

– Конечно, – я кивнул.

– Еще раз на всякий случай: красный сигнал – неполадка. Любой. Поломка, угроза аварии, нечто непонятное... Ну, в этом случае можно и обычный свет в мигающем режиме: «привлекаю внимание», скажем так. Зеленый свет – движение группой. Колонной. Направляющий и замыкающий включают зеленый светофильтр. Ну, а обычная подсветка во всех остальных случаях.

– Э-э, – вдруг произнес Володька, – Геннадий Кириллович...

– Да?

– Вот вы сказали: нечто непонятное. В вашей практике бывало здесь вот такое – нечто непонятное?

Геннадий Кириллович сделал паузу, чуть большую, чем надо бы при ответе.

В самом деле, ответ простой: да или нет. А завлаб вдруг замялся. Самую малость – но я это просек.

– Да нет, – наконец, сказал он. – Здесь нет.

– А что, в других местах бывало? – вмиг всунул вопрос я.

– Э, брат! – бодро откликнулся Мартынюк уже без всяких запинок. – В разных местах чего только с нами не случается! Это другая история. Слушай насчет питания: оно здесь двухразовое. Завтрак и ужин – это ваше личное дело, а тут обед и полдник. Ну, полдник это пирожок с компотом, бутерброд ли. А обед полноценный, четыре блюда, качество отличное. Салат, первое, второе, десерт. Можно на выбор заказать.

Сказав это, он озабоченно глянул на часы.

– Ладно, коллеги, время не ждет, переодевайтесь поскорее, покажу наш участок работы, познакомлю с коллегами. Давайте!..

...Первый рабочий день на новом месте, как правило, кажется длинным, но в нашем случае такого ощущения не было. Мы сразу же включились в дело: необходимо было монтировать и проверять работоспособность определенного участка коллайдера. Познакомились и с коллегами... Ну как познакомились? Почти всех в лицо знали, виделись, здоровались и т. д. Но, разумеется, ведасть не ведали, что эти ребята здесь трудятся. Теперь же они подмигивали, посмеивались:

– Ну что, вливаетесь в тайное общество? Обряд посвящения будете проходить?

Обряд посвящения – это, само собой, дружеская вечеринка, «простава», только на поверхности, как здесь выражались. В «метро» подобные вещи были заблокированы категорически. Запросто можно вылететь отсюда, чего не хотелось никому.

В суть монтажа мы вникли быстро – ну, мне это вообще было знакомо, о чем я помалкивал. И теоретическую основу происходящего сознавал отлично. А отсюда ясно, что к чему, зачем здесь такой провод, а тут этакий патрубок, а там еще что-то... Но, естественно, я меньше всего собирался корчить из себя вундеркинда. Вникал и трудился старательно, с толком, ровно на том уровне, на котором действовал бы всякий нормальный молодой исследователь.

И работа работой, а главное – череда событий, вроде бы никак одно с другим не связанных, замаячивших окрест меня.

Монтаж совсем не мешал мне думать об этом. Все знакомо, как будто я вернулся в двадцать первый век. Примерно то же, разве что попроще, поглубже. Мне рассуждать не надо

было: память в руках, в пальцах, они сами находили нужное, легко делали то, что надо. А рассуждал я понятно о чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.